I.
О
ГОТАХЪ.
II.
ОБЪ
ОБРАХЪ.
III.
О
СПОРѢ
между
ЮЖАНАМИ И СѢВЕРЯНАМИ
НА СЧЕТЪ ИХЪ РОССИЗМА.

сочинения

Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Общества Истории и Древностей Российскихъ при Московскомъ Университетѣ,
ЮРІЯ ВЕНЕЛИНА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1848.

По опредѣленію Общества. Генваря 31-годня, 1848 года. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

НѢЧТО

КЪ ИЗЫСКАНІЯМЪ О ГОТАХЪ.*

Въ краткомъ обзорѣ судебъ Руси въ древнія времена, я, вкратцѣ, и сколько нужно для поддержанія нити въ моихъ изысканіяхъ, замѣтилъ (стр. 110 — 115), что первое, исторически извѣстное, нашествіе на Русь было *Готское*. Кто не знаетъ сего имени? Оно такъ обширно, такъ громко! Кто не упоминалъ Готовъ? Было время, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, что Готы вездѣ являлись: въ Швеціи (Gothland), въ Россіи, Анатоліи, Византійской Имперіи, Панноніи, Италіи, Германіи, Франціи, Испаніи, Африкѣ, — словомъ; *вездѣ*. Всякій ихъ знаетъ болѣе или менѣе, ибо имя, въ свое время, было почти всеобщее.

Но что за народъ эти Готы? Былъ ли одинъ, который бы одинъ подъ этимъ именемъ развернулся такъ широко и далеко; или же нѣсколько народовъ, составлявшихъ союзъ? И какой, гдѣ, именно, былъ сей народъ? Какъ, откуда, по какому поводу, нашелъ онъ на Русь?

Зная, изъ какихъ полковъ были составлены корпуса Даву, Удино Виктора, Мюрата, Нея, зная, изъ какихъ мѣстъ были *рекрутированы* сіи полки; зная языкъ, образъ жизни, обычаи, имя народное, вѣру, искусство, науки, торговлю и физическія свойства страны, то я могу сказать *знаю*, кто, какой народъ и откуда сдѣлалъ нашествіе на Россію въ 1812 году; могу сказать, что *знаю* политическое отношеніе Россіи къ этому народу, т. е., *знаю* политическое положеніе Россіи, т. е., *знаю* ея исторію 1812 года; если же эти условія мнѣ неизвѣстны, то я скажу *не знаю*. Въ подобномъ случаѣ находится и нашествіе Готовъ на Россію. Но опять раждается вопросъ: Что же за народъ эти Готы? Откуда они? Къ несчастію, до сихъ поръ мы еще не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о семъ народѣ, не смотря на то, что имя его сто разъ повторяется во всякой исторической книжкѣ. Я *знаю* тотъ народъ, который сдѣлалъ нашествіе на Русь, не потому, что онъ названъ Французами, или вожди ихъ Наполеономъ *Bona parte*, Мюратомъ, Неемъ, Ожеромъ, Фонъ-Раппомъ, или Паномъ Понятовскимъ, или, что такой и такой назывался Петромъ или Герасимомъ, но потому что я могу описать его непріятеля, не называя его имени; могу описать его родину, семью и мѣстности жилищъ. Такъ и я хочу знать и Готовъ; въ противномъ же случаѣ и говорить объ нихъ не хочу; нашествіе ихъ на Русь также и то-

* См. мой Томъ I, стр. 110—115, 212—214.

рическое событіе, какъ Наполеоновское. Addendum, quod in meo. Deinde.....

Имя Готовъ разсмотрѣть можно:

1. Или оно собственное, или нарицательное;

а) Собственнымъ оно быть не можетъ, ибо до сихъ поръ не удержалось ни въ одномъ Европейскомъ народѣ;

б) Слѣдовательно, оно нарицательное, потому, что можемъ указать, что оно употреблялось одними Греческими и Римскими писателями,

2. Поелику оно не собственное, то принадлежать одному племени не можетъ, т. е., оно не можетъ быть частнымъ; слѣдовательно оно общее.

3. Если оно общее нѣсколькимъ племенамъ, то оно не могло, имѣть вѣрнаго, постояннаго, опредѣленнаго значенія. Слѣдовательно, Имя *Готы*, какъ общее, для Критика, постоянно доискивающагося частностей, опредѣленностей, подробностей, не годится, по своей общности, Общимъ оно, между, такъ называемыми, Готскими народами, быть не могло, ибо общее существуетъ не между народами, а между учеными, если развѣ исключить изъ этого нѣкоторые примѣры Нѣмцевъ; но въ общемъ смыслѣ выразился одинъ Прокопій.

Pag. 53 seqq. „Одно изъ важнѣйшихъ именъ въ исторіи появляется Готское. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ оно было слышно глухо и издалека. По Тациту народъ, носящій это имя, могъ обитать только на берегахъ Вислы; большею частію, по правую сторону оной, въ нынѣшнемъ Польскомъ Королевствѣ.“

Но Польши и Поляковъ во все не было тогда, какъ и въ послѣдствіи на восточной сторонѣ Вислы, до соединенія Красной Руси, а въ послѣдствіи, и Литвы съ Мазовшанами, т. е., до XIV и XV вѣковъ. Здѣсь, надлежало историку изыскателю выразиться точнѣе, ближе къ *мѣстному подлиннику*; ибо это есть важное условіе въ изысканіяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ лучь *точной* исторіи озарилъ Русь, т. е., съ X вѣка по нынѣшнее время, мы видимъ, что Русь простиралась постоянно по Вислу. Зашедшіе въ новѣйшее время по сію сторону Ляхи, сюда не принадлежатъ; Ляшскія племена: Мазовшане, Кракусы или Горалы и Слезаки (Silesii), искони имѣли свою колыбель въ *Завислянскихъ* ихъ жилищахъ. Висла была важная физическая граница между разноплеменными Славянами; и это показываетъ, что Греческіе и Римскіе писатели не на обумъ, не по одному инстинкту назвали *Вислу* границей между *Братовщиною* (Germania*). Такимъ образомъ, мысль древнихъ писателей объясняется, оправдывается *мѣстнымъ подлинникомъ*; и сей, какъ на яву существующій, торжественно оправдываетъ древнихъ писателей и показываетъ что они дѣйствительно чувствовали сильный оттѣнокъ между жителями *Довислянскими* и *Завислянскими*. На это, можетъ быть, кто-либо возра-

* Germanus, братъ, — emblème de l'égalité républicaine, qui se laisse observer chez les Vollinois.

зитъ, что это произошло отъ важности рѣки для ограниченія Германіи; нѣтъ; дѣло не въ рѣкѣ, а въ томъ, что Sarmatae простирались съ Востока до этой рѣки, а Germani съ Запада.

Сверхъ сего, мы видѣли, въ I томѣ, что Греки, торговавшіе въ Черноморскихъ городахъ, Восточныхъ Русаковъ называли Сарматами. Римляне, которые, сначала, выписывали изъ Греческихъ сочиненій, въ послѣдствіи въ сихъ мѣстахъ сами познакомились съ народомъ, прослывшимъ уже *Ящероглазыми*. Но Римляне и съ Запада узнали, что сей самый народъ, чрезъ Подолье и Волынь, простирается до самой Вислы. Вотъ по какому только поводу и вышла Sarmatia a Ponto et Tanai Vistulam usque. Вотъ Римляне даже и этнографы, т. е., народописцы. Происхожденіе и опредѣленіе границъ слова Sarmatia не есть случайное, механическое, но оно основано на томъ же вѣрномъ ощущеніи, на которомъ и опредѣленіе границы между Германіею и Сарматіею.

Правда, многіе жалуются на краткость и неопредѣленность извѣстій у Греческихъ и Римскихъ писателей на счетъ нашего Европейскаго Сѣвера. Положимъ, что иное и справедливо; но, по крайней мѣрѣ, вообще, ихъ нельзя упрекать въ невѣжествѣ. Римляне постоянно жили лагеремъ на границахъ Сарматіи и Германіи; дѣлывали въ оныя походы; имѣли своихъ переводчиковъ; многіе жители Германіи и Сарматіи служили въ Римскомъ войскѣ; многіе изъ Римлянъ, преимущественно, жившіе или родившіеся внѣ Италіи, знали даже языкъ Братовщины и Ящероглазіи, словомъ: *Римляне могли не имѣть подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о сихъ двухъ большихъ странахъ и ея жителяхъ*. Политика Римлянъ требовала узнать даже и образъ правленія и характеръ онаго; этого никогда не упускали изъ виду Римскіе полководцы. И такъ, бѣда только въ томъ, что Римляне были страшные неохотники до литературныхъ занятій, преимущественно до описаній походовъ, путешествій, записокъ, мемуаровъ и тому подобныхъ брошюрокъ. Римляне дѣлали 1,000 походовъ, а описанія ни одного!! Это одно.

Другое то, что даже у существовавшихъ писателей *краткость* и *сжатость* была главнымъ условіемъ, если не въ слогѣ, то въ матеріи. Тому примѣромъ всѣ они. И такъ, если нельзя ручаться за всѣ ихъ подробности, то, по крайней мѣрѣ, главныя ихъ понятія должны быть для насъ священны; стоитъ только ихъ понять и объяснить себѣ настоящимъ образомъ. Сколько ни кратко общее ихъ понятіе о Россіи, однако, оно, хотя и одно слово (Sarmatia), совершенно вѣрно выражаетъ *мѣстный* свой *подлинникъ*; оно основывается на тѣхъ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣніяхъ, которыя погребены отъ насъ навсегда, вмѣстѣ съ Римскими воинами, но которыя живо отразились въ Римѣ, и которыя сосредоточились, у скупыхъ на повѣствованіе писателей, въ одномъ словѣ Сарматія.

Но мнѣ скажутъ, что слово *Савроматы*, *Сарматы*, какъ Греческаго происхожденія, взятое съ физическихъ свойствъ и означающее голубые глаза, или, вообще, бѣлокурыхъ, могло означать и

не Русь, а другія племена бѣлокурыя, на пр., Латышей, Чухонцевъ; посему Сарматы не могло быть характеристическимъ нарицательнымъ для оной Руси, а могло быть общимъ. На сіе отвѣчаю. Правда, что слово Σαυρομάται, Sauromatae, или, по испорченному выговору Римлянъ, Sarmatae, взято съ физическихъ свойствъ; но это было только при первомъ знакомствѣ древнѣйшихъ Грековъ съ народомъ; а когда имя пошло въ ходъ и утверждено за однимъ народомъ, то никто болѣе не смотрѣлъ на этимологію онаго, и тогда имя получило постоянное, опредѣленное свое значеніе; точно также, какъ и нынѣ Славяне, подъ именемъ своего чекана *Нѣмецъ*, подразумѣваютъ постоянно *Дайчера*, а не *нѣмаго*, *Латыша*, *Чухонца*, Италіанца, Грека. Но опять возразятъ, что Нѣмецъ у Русскаго простолюдина и Французъ и Италіанецъ? Это потому, что простолюдинъ не умѣетъ различать языка ни того, ни другаго, при такихъ же фразахъ, при такихъ же ухваткахъ у обоихъ народовъ; притомъ, это самый грубый простолюдинъ, который Чухонца не назоветъ Нѣмцемъ. А образованные Русскіе какъ? Слѣдовательно, древніе писатели не простолюдины. И такъ, *Сарматъ* по Гречески и Римски, а *Русь* по Русски.

Но, во вторыхъ, гораздо еще яснѣе, опредѣленнѣе, точнѣе, выразились древніе, когда тѣ племена, которыя по наружнымъ чертамъ, можно было смѣшать съ Русью, именно отдѣляютъ отъ ней и говорятъ отдѣльно; Тацитъ отдѣльно описываетъ Чухонцевъ и Латышей; Плиній, Птоломей, Страбонъ, особо описываютъ и Латышскія и Чухонскія племена; и Шлецеръ удивляется вѣрности, съ коею Птоломей схватилъ нѣкоторыя области Прусскихъ Латышей. И такъ, Чухонцы и Латыши въ тѣхъ же мѣстахъ извѣстны и во второмъ вѣкѣ, въ которыхъ они и нынѣ. Почему же иначе думать только объ обширной Руси??? Или, развѣ какого либо пошлеца соблазняетъ то, что *Сарматъ* не изъ тѣхъ буквъ составлено, изъ которыхъ *Русь?* Или, развѣ кого забираетъ бѣшеное искушеніе вводить переселеніе потому только, что явилась Русская лѣтопись, въ коей слово *Русь*, или что изъ новѣйшихъ Грековъ иные вздумали неприличнымъ называть Ящероглазыми своихъ Русскихъ единовѣрцевъ? Но оставимъ пошлецовъ ихъ сумасбродству и прибавимъ слѣдующее, геркулесовское, доказательство, что говоря о Руси VI, V, IV, и пр. столѣтій, глупо и пошло ее называть Сарматами. Снятое Римлянами понятіе съ Руси, вѣрно съ подлинникомъ; нельзя не отдать справедливости древнимъ. Изъ этой вѣрности Римской формы, или рамки съ подлинникомъ, выходитъ, что рамка эта годится только для Руси, ибо одна Русь была, и могла быть, толикой массивности. Но тогда Русь была, пропорціонально, еще многочисленнѣе, нежели нынѣ, ибо тогда еще не выхлынута была значительная часть оной за Дунай, за Балканы и за Карпаты; тогда къ оной принадлежали еще тѣ милліоны, которые, въ послѣдствіи, уведены въ неволю Татарами, Крымцами и Буджакцами. Велика и тогда была Русь.

Теперь, положимъ, сообразно съ иными поверхностными изыскателями, что въ Россіи въ тѣ времена была не Русь, а другіе,

какъ говорятъ, по слабымъ предположеніямъ, народы, то тогда Римская рамка не согласовалась бы съ предполагаемыми подлинниками, ибо тѣ народы не могли быть ни той величины, какой Русь, ни занимать тѣ же предѣлы. Это и физически и исторически невозможно, чтобы другой какъ разъ попалъ въ тѣ же рамки; ибо ни исторія; ни естественность не доказываютъ, чтобы, бывшій въ Римскихъ рамкахъ, народъ замѣщенъ былъ другимъ, и цѣльнымъ, и столько же огромнымъ, и совершенно въ тѣхъ же предѣлахъ. Не надо забывать, что Россія, занимая половину почти Европы, если бы была перемѣнена въ жителяхъ, то непремѣнно произошли бы въ ней и Галлія, и Германія, и Бургундія, и Богъ знаетъ какія Государства, чего, однако, не бывало.

Древніе не были неучи, и довольно просвѣщены для того, чтобы узнать, хотя нѣсколько, о сродствѣ народовъ. И такъ, если и признавали они мѣстныя названія по Россіи, необходимыя въ подробномъ описаніи, однако, они явно признавали всѣмъ имъ ихъ общность поколѣнія, называя populi или gentes Sarmaticae. Если Страбонъ раздѣляетъ Сармацію на Европейскую и Азіатскую, то онъ правъ; ибо за Дономъ, между имъ и Волгою, жили тогда Сарматы-Болгаре. На границѣ Болгаръ, къ востоку, онъ оканчиваетъ свой Сарматизмъ; это Плиній буквально замѣчаетъ. Удивительное и съ Востока согласіе съ подлинникомъ, который другой быть рѣшительно не могъ, кромѣ Русскаго. Мы увидимъ въ послѣдствіи, въ VI вѣкѣ, что Іорнандъ оттѣнитъ Русь и съ Сѣвера.

Это, кажется, ясно и убѣдительно; но еще яснѣе будетъ, коли скажемъ, что Римляне этихъ же Сарматовъ называютъ *Roxolani*, собственнымъ, но нѣсколько олатыненымъ, именемъ народа. Да, сверхъ сего, многое еще изъ мелочей указываетъ на народъ. Славянское происхожденіе (отъ Поляковъ, или отъ Руси, все равно; Висла встрѣчается и въ другихъ Славянскихъ мѣстахъ) имени Вислы торжественно засвидѣтельствовано древними, внесеніемъ его въ ихъ сочиненія.

Но обратимся къ Ляхамъ и Готамъ.

И такъ, Ляшскія племена принадлежатъ исключительно Германіи, которую, впрочемъ, кромѣ Ляшскихъ племенъ, населяли и другія Славянскія. Посему, Ляхи не только могутъ, но и должны, искать, что говоритъ о нихъ Тацитъ въ своемъ De moribus Germanorum; ибо они съ Полабами, Сорабами, Ободритами и пр. суть его Германцы.

Такимъ образомъ, положивъ за аксіому вышесказанное, выходитъ, что, какіе бы ни носились впредь новыя имена надъ Русью, онѣ не могутъ уничтожать таящейся въ Сарматіи *идеи Руссизма*, будутъ ли надъ Сарматіею носиться имена Готовъ, Вандаловъ, Гунновъ, Ѳервинговъ и проч., и проч. Если и будетъ нашествіе на оную, то народъ отъ того вовсе не уничтожается, если даже и подпадаетъ подъ чужое иго, хотя, впрочемъ, вообще, изыскатели довольно легковѣрно выражали себѣ одни только племена въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ отзы-

валось ихъ имя; ибо, часто, чужая армія, или правительство, можетъ заглушить народъ. Объ этомъ ниже, пространнѣе.

Но обратимся къ Готамъ Тацитовымъ, которыхъ Луденъ полагаетъ на правомъ берегу Вислы, т. е., внутри Руси. Но какъ по сію сторону Вислы находились Латышскія племена, примыкающія къ Балтійскому морю, то рождается вопросъ: Кого подразумѣвалъ Тацитъ подъ именемъ Готовъ, Прусскихъ ли Латышей и Литовцевъ, или смежныхъ съ ними Русаковъ, отъ Плоцка далѣе къ Востоку? Чтобы подлинно разгадать сей вопросъ, надлежитъ 1) замѣтить, что имя Готовъ у Тацита еще слабо, глухо, мелко, чуть отозвалось въ его лѣтописи, и что, посему, оно не означало той огромной, обширной массы людей, которые, въ послѣдствіи, подъ этимъ именемъ, со сѣхъ сторонъ, наносили удары Римской Имперіи. 2) Полагать за достовѣрное, что подлинные Готы, сильные, могущественные, сдѣлавшіе нашествіе на Русь, не были старожилами, подлинными обитателями Руси. 3) Изъ сего слѣдуетъ, что завоевательныхъ Готовъ послѣдующихъ временъ у Тацита должно искать подъ другимъ, но обширнымъ, именемъ, именно же внѣ Россіи. Это ясно, справедливо.

Это общее имя, во время Тацита, было *Germani*, не народное, нарицательное, чужое; оно вылилось, неизвѣстно, по какому поводу, впервые изъ головы Юлія Цесаря, и было еще въ употребленіи во время Тацита.

Но, что такое Готы въ предѣлахъ Руси? Навѣрное: или Литовцы, или Русь. Объ этомъ были разныя мнѣнія. Вообще, древніе ставили сихъ первыхъ Готовъ у устья, или около устья, Вислы. Іорнандъ, въ IV вѣкѣ, тоже пишетъ; но Іорнандъ, въ этомъ случаѣ, имѣетъ менѣе вѣсу, нежели древніе, ибо онъ ихъ, какъ видно, только повторилъ. Сверхъ сего, Іорнандъ годится для насъ во всемъ томъ, что онъ повѣствуетъ изъ ближайшихъ ему временъ; но тамъ ему трудно уже вѣрить одному, когда онъ пускается въ отдаленную древность, какова, обыкновенно, бываетъ *изложеніе происхожденія народа*. Отсюда слѣдуетъ истина: писатели, болѣе или менѣе древніе, не могли писать о происхожденіи народовъ; это предоставляется намъ, позднѣйшимъ, которые можемъ сличить и сообразить все, что писано въ древности. Іорнандъ писалъ и о происхожденіи Готовъ; Тацитъ же и его современники говорятъ о современномъ имъ народѣ; посему, онъ вѣрный нашъ источникъ.

Правда, въ послѣдствіи, во времена Іорнанда, по какимъ-то судьбамъ, въ Италіи и въ Греціи Тацитовыхъ Германцевъ называли Готами. Іорнандъ, описывая ихъ походы и завоеванія, вздумалъ начать съ происхожденія сихъ Германцевъ; онъ отыскалъ, у Тацита Готовъ у устья Вислы, и пустился выводить отсуда всю Германію — явная и грубая ошибка сего писателя, смѣшавшаго два народа, Германцевъ Тацитовыхъ, съ его же Готами Сарматскими! Отсюда-то неестественное и несбыточное разселеніе многочисленныхъ и могущественныхъ народовъ, или арміи, у однаго уголка Европы, самаго лѣсистаго, самаго песчанаго, болотистаго и неплодороднаго.

Но Іорнандъ этою неестественностію не удовольствовался; его воображеніе простерлось даже до географическаго Адама. Поелику имя Готы впервые встрѣчается у устья, у берега морскаго, думалъ онъ, то чтобы сюда, на берегъ, вывести, онъ вообразилъ себѣ островъ *Сканцію*, изъ коего заставляетъ, *во время оно*, выходить своихъ Готовъ. Тутъ-то онъ и взмечталъ всю небывалую исторію и лица, во время перехода на берегъ, и первыя авантюры мнимыхъ пришельцевъ. Мы увидимъ, ниже, что Іорнандъ могъ слышать, что Готы, воевавшіе въ его времена, дѣйствительно бывали и говаривали о своихъ Балтійскихъ островахъ, и что эти острова нашъ старикъ вплелъ въ сказку о происхожденіи.

Впрочемъ, кто ни говорилъ Іорнанду, однако все еще слово Готы надобно нынѣ разгадывать; потому что ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ не носитъ этого имени. Пошли догадки. Нѣмцы схватились съ жаромъ за Іорнандову сказку; подъ именемъ острова *Сканціи* они объявили Швецію, переименовавъ въ Скандинавію; заключили, что эти храбрые Готы, завоеватели міра, были добрые Шведы; что Шведы суть добрые братья добрыхъ Нѣмцевъ и что Готы, посему, не иное что, какъ Нѣмцы. Этому еще пособило то, что въ южной Швеціи была областца Gothlandia. Впрочемъ, это словцо могло и должно было, поселиться въ Швеціи тогда, когда Готы громили вездѣ древній свѣтъ. Это было почти во времена Іорнанда. Посему, ни онъ, ни его толкователи, не могли полагаться на это слово. Впрочемъ, по мнѣнію Нѣмцевъ, Готы были Нѣмцы, и поныне они слывутъ въ исторіяхъ Нѣмецкаго произведенія — deutsche Völker.

Однако, если родина Готовъ была Германія, то добрые Нѣмцы должны были вспомнить, что большую часть, если не всю, Германію населяли Славяне. Впрочемъ, это такъ думаютъ безъ всякихъ доказательныхъ притязаній. Но явился имъ противникъ, Литовецъ Преторій, и сочинилъ фоліантъ Orbis Gothicus, посвященный имъ Польскому Королю. Онъ, съ своей стороны, думаетъ, по праву мѣстности, что Готы были просто Литовскія племени. Но за эту патріотическую дерзость и нахальство досталось ему отъ добрыхъ Нѣмцевъ. Великій Шлецеръ написалъ, что Преторій неучтивъ, что Преторіи мелетъ чепуху, что Готы — Нѣмцы. Но почему не вступились за своего земляка Польскіе ученые, или даже, будучи сами Германцы, почему не вступились за Готовъ? Отвѣтъ: потому, что Поляки, тогда, были еще бритоголовы; они мечтали объ одной Сармаціи, и были въ этомъ отношеніи также правы, какъ и Нѣмцы. Какъ бы то ни было, но, смотря по распространенію Готовъ по всей Европѣ, въ новѣйшей исторической Нѣмецкой Литтературѣ, вся Европа превратилась въ *Нѣмецію*, въ *Дайчерію*. Хотя, впрочемъ, силъ человѣческаго разума не достанетъ, чтобы понять, какимъ образомъ эта всеобщая Дайчерія V вѣка вдругъ разсѣялась въ VI вѣкѣ, а въ VII такъ съузилась, что очутилась въ одной Баваріи, Баденѣ, и маломъ треугольникѣ, между устьемъ Эльбы и Голландіею!!!!!!

Конечно, для поддержанія сего, не могутъ существовать ника-
кіе доводы; посему-то, лучшіе даже умы всячески силятся увѣрить-
ся, и увѣрить въ этой крайней нелѣпости, просто утверждая наго-
ло. Но къ какой стати имъ гоняться за этимъ мыльнымъ пузы-
ремъ, за этою мнимою, химерическою, славой, которой не можетъ до-
пустить ни исторія, ни здравый разсудокъ? Вотъ что значитъ
исторія Нѣмецкаго народа Лудена, составляющая нынѣшнюю лит-
тературную гордость Нѣмцевъ! Это всеобщая Европейская исторія,
всяхъ народовъ подъ заглавіемъ: *Нѣмцы*.

Но обратимся еще къ Тацитовымъ Готамъ. Вотъ источникъ длин-
ныхъ кривотолковъ! И Преторій справедливымъ быть не можетъ:
Латышскія племена никогда тѣмъ быть не могли, чѣмъ были Готы
(исторія застала ихъ въ бѣдномъ положеніи и въ маломъ количест-
вѣ); ему не должно было ссылаться на Іорнанда, который самъ об-
манулся. Если же обозрѣть мѣсто у Тацита, то нельзя его толковать
буквально; ибо Тацитъ, говоря изъ отдаленной страны, могъ не при-
держиваться буквальности: смыслъ его словъ *рѣки Вислы*, *около ея
устья*; но это не должно значить на берегу моря; этотъ простирается
и на Русь Плоцкую и Гродненскую. Наконецъ, Латышскія племена обо-
значены древними подъ другими именами. Если имя Готы перене-
сти на Русь, то будетъ гораздо вѣроятнѣе. Это прекрасно оправ-
дывается слѣдующимъ. Извѣстно, что старые Прусскіе Латыши сво-
ихъ сосѣдей Русскихъ называли *Гуддами*; а Русь *Гудду-Земе*. Это
имя, разнесенное по западной Германіи, дошло до ушей Римлянъ въ
Галліи, или на Дунаѣ. все равно. Да и какъ не дойти туда съ Прус-
скимъ янтаремъ? Тацитъ просто отмѣтилъ и — вотъ наши Готы
впервые. Очень естественно. И такъ, Готы у Тацита значитъ *Русь*.
Слѣдствнно, Готы эти были не Готы, ибо Русь не Готы. Слово это
здѣсь появляется на Руси какъ частное, и принадлежало Сармаціи.
Наконецъ, если слово Готы на Руси не могло быть народнымъ, собст-
веннымъ, то и въ Германіи оно могло быть такимъ же, т. е. мы
не надѣемся сыскать гдѣ-либо этого имени въ подлинникѣ. Одно ос-
тается: замѣчать за авантюрствомъ сего имени и подмѣчать встрѣ-
чаемые подъ онымъ народы, какъ подъ нарицательнымъ: тогда взой-
детъ солнце, слово Готы исчезнетъ, или прицѣпится къ своему како-
му-либо уголку и появится исторія Западныхъ народовъ.

Изъ всего сего видно, какъ поверхностно, какъ криво толковалъ и
понималъ Луденъ и понимали до него другіе, и какъ мало можно было
ожидать отъ подобныхъ толковъ *.

Д. Ч. Ю. Венелинъ.

---

* Здѣсь статья прерывается.

Объ

ОБРАХЪ, ИХЪ ЦАРСТВѢ И ЕГО ПРЕДѢЛАХЪ.

Кто не слышалъ или не читалъ кое-что о дѣяніяхъ народа, который въ Русскихъ лѣтописяхъ слыветъ *Обрами*, въ Западныхъ *Abari*, *Habares*, а у Византійскихъ нѣкоторыхъ писателей *Αβαροι*, *Αβαρες*?

Народъ этотъ бушевалъ въ Европѣ въ VI и, отчасти, въ VII вѣкѣ. Нынѣшнее Историческое мышленіе придумало себѣ названіе, которое довольно сильно звучитъ въ учебныхъ Историческихъ руководствахъ. Это названіе есть: *Awarisches Reich*; *le royaume, l'empire des Avares, des Abares*. Генрихъ IV сказалъ: Paris vaut bien une messe; нынѣшнее любопытство заставляетъ насъ сказать: Un royaume, un empire, enfin, une grande nation vaut bien quelques études.

Если перелистуемъ каталогъ всѣмъ историческимъ изслѣдованіямъ, то найдемъ, что *Обры* или Авары почти совершенно забыты, вмѣстѣ съ ихъ Имперіею, не смотря на то, что почти всякій изыскатель, или компиляторъ историческихъ сочиненій, больше или меньше спотыкается объ Аварскую Имперію, или объ Обрскій народъ. Вотъ почему и Карамзинъ, волею или неволею, долженъ былъ сказать что-либо объ Обрахъ.

Изъ всего того, что сказалъ намъ Карамзинъ объ Обрахъ, мы не можемъ извлечь ни малѣйшаго опредѣлительнаго понятія; точно такимъ же образомъ и въ компиляціяхъ Роттека, Мюллера, или Michelet, Обры остаются для насъ народомъ неопредѣлительнымъ и неопредѣленнымъ. Причина этому, опять скажу, то, что мало обращали вниманія на этотъ народъ, на это царство.

Объ Обрахъ говорится въ Русскихъ лѣтописяхъ; объ Обрахъ говорится въ Юго-Восточныхъ, т. е., Греческихъ лѣтописяхъ. Само собою разумѣется, что невозможно назначить предѣловъ этому народу (слѣ-

довательно, дать о немъ опредѣлительное понятіе) по одному Нестору, по однимъ Западнымъ писателямъ, или по однимъ Византійцамъ, потому что всѣ эти лѣтописи касались Обровъ только со стороны своихъ границъ.

Народъ Обры дѣлается дѣйствительно любопытнымъ если видимъ со всѣхъ сторонъ, что онъ осаждалъ Цариградъ въ Ѳракіи, боролся съ Франками на Рейнѣ, и, по Карамзину, дѣлалъ нашествіе и на Россію. Слѣдовательно, опредѣлительное понятіе объ этомъ народѣ важно не только для Русской Исторіи, но и для Исторіи Германіи и Галліи, для Исторіи Панноніи и Дакіи, для Исторіи Задунайскаго полуострова, т. е., что рѣшеніе этого вопроса важно для всей Средней и Восточной Европы.

Обры бушевали въ Европѣ съ 560—810 годы, т. е., въ продолженіе 250 лѣтъ. Періодъ прекрасный, потому что это былъ періодъ преобладанія Обровъ надъ Европою въ то время, когда Италія была разбита на удѣлы, Испанія тоже, тоже и Франція, въ которой едва только, и очень медленно, заваждалась Французская Манархія. Наконецъ, Карлъ Великій затѣялъ семилѣтнюю войну съ Обрами и отнялъ отъ нихъ значительную часть Австрійскаго Герцогства и Гористой Штиріи, Конечно, съ этого времени исчезаетъ изъ Исторіи и имя Обровъ (скажу въ скобкахъ, хотя, впрочемъ, такой мощный народъ исчезать не могъ, потому что дѣло номенклатуры Исторической нейдетъ за одно съ Физическимъ существованіемъ цѣлаго народа). Если Карлъ Великій и разрушилъ бы, какъ говорятъ, Аварское или Обрское царство, на такомъ же основаніи, какъ и Турки Греческое и Болгарское, то все еще порабощенный и лишенный имени народъ Обрскій не пересталъ бы существовать и въ послѣдствіи, точно также, какъ и Греки и Болгаре не исчезали и доселѣ. При семъ случаѣ я замѣчу, что исчезаніе имени съ ландкарты не должно быть принято за *вещественное* исчезаніе народа; что номенклатура можетъ представлять Историко-оптическіе обманы, et la pauvre raison humaine plus ou moins, en a été bien dupe. Доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, почти никто не дѣлалъ различія въ этихъ двухъ родахъ исчезаній; ландкартное, или, что одно и тоже, лѣтописное принималось за *вещественное*; это тоже значитъ, что погнаться за *призракомъ*, за оптическимъ обманомъ.

Но положимъ, что Обры исчезли при Карлѣ Великомъ, и обозримъ эпоху ихъ съ 560—800 годы. Чтобы не погнаться за призракомъ, мы поступимъ осторожно. Чтобы открыть подлинныя жилища *Обровъ*, мы сдѣлаемъ различіе въ ихъ предѣлахъ, т. е., между общими предѣлами царства и тѣми, до которыхъ простиралось племя *Обровъ*; первые назовемъ *политическими*, послѣдніе *природными* или *народными*; на пр., политическій предѣлъ Русскаго народа, къ Западу, составляетъ линія Польско-Прусская, природный составляетъ рѣка Висла; къ Югу, политическій линія между Галиціею и Россійскою Имперіею, — народный рѣка *Тиса* въ Венгріи, въ ея теченіи съ

Востока къ Западу и т. д. Слѣдовательно, взявши, на обумъ, какое-либо мѣсто изъ Хроники, и не дѣлавши различія въ предѣлахъ, можно снова составить себѣ призракъ и принять его за *дѣйствительность*. Какъ ни будемъ точны въ ссылкахъ, въ приведеніи цитатъ, сколько ни окажемъ начитанности, не избѣгнемъ обману, если съ точностью не постановимъ себѣ различія какъ въ вещахъ, такъ и въ словахъ.

На этомъ-то основаніи, чтобы понять, *чѣмъ владѣли Обры*, надобно прежде указать, *гдѣ же они сами жили?* Такимъ только образомъ избавимся отъ призраковъ, т. е., отъ *увлеченія*.

Начнемъ съ Западныхъ, *современныхъ*, свидѣтелей. *Григорій Турскій* (Gregorius Turonensis, жившій до 592 году), въ IV. кн., 23 гл. своей Франкской Хроники:

„Ибо послѣ смерти Хлотарія Гунны вторгнулись въ Галлію, против которыхъ Король Сигибертъ двинулся въ походъ *.

Въ 29 гл. „Гунны опять напали на Галлію; противъ нихъ вышелъ „Сигибертъ и пр. Но какъ войско его, разбитое бѣжало, то онъ окру„женъ и взятъ въ плѣнъ Гуннами, коихъ Царя умягчивъ подарками, „заключилъ миръ никогда съ нимъ не воевать. Но и Гаганъ, такъ на„зываются всѣ короли того народа **, далъ Сигиберту многіе подарки.“

Это происходило съ 559 по 570 годы, только *сто лѣтъ* спустя послѣ смерти *Атиллы*. Слѣдовательно, тѣхъ, которые относятъ разрушеніе Аттилиной Имперіи ко дню его смерти, можно бы заставить прочесть Григорья Турскаго, прежде нежели примутся они за свои компиляціи; можно бы тоже заставить ихъ читать *Прокопія Кесарійскаго* и *Іорнанда*, жившихъ въ это же время. Тоже самое Гуннское правительство, которое воевало и трактовало съ Королями Франкскими за Рейномъ; въ это же самое время вспомогательныя войска Императору *Юстиніану* Великому противъ Персовъ, Вандаловъ Африканскихъ и Готовъ въ Италіи. Прокопій, Секретарь Велизарія, это войско называетъ Гуннами; Епископы же *Эннодій* Павійскій, и *Іорнандъ* Равенскій называютъ Болгарами. Il était très-honorable pour une nation comme ça, que de pouvoir voir les bords du Rhin, et ceux de l'Euphrate, les figuiers de l'Afrique et les colonnes assez impertinentes de Rome. Италіанецъ, или Римлянинъ, давно уже разучился съ этими разными странами; Грекъ едва ли слышалъ о Рейнѣ и его Сигибертѣ,

* Lib. IV. 23. Nam post mortem Chlotarii Regis, *Chunni* Gallias adpetunt, contra quos Sygibertus exercitum dirigit.

** Cap. 29. *Chuni* vero iterum in Gallias venire conabantur, contra quos Sygibertus etc. Fugiente autem exercitu Sygiberti, ipse inclusus a *Chunnis* retinebatur... datis muneribus foedus cum rege iniit, ut omnibus vitae suae diebus nulla inter se proelia commoverent. Sed et Rex *Chunnorum* multa munera Regi Sygiberto dedit; vocabatur autem Gaganus, omnes enim reges gentis illius hocce appellantur nomine.

и VI столѣтіе представляетъ новый великій народъ, ужасный отъ Востока до Запада это продолжался еще вѣкъ Аттилы. Отецъ Фредегарій (жившій въ 658 г.), продолжатель Григорія Турскаго, говоритъ слѣдующее о дѣлахъ своего времени:

Гл. 48. „Въ 40-мъ году царствованія *Хлотарія* (II), и третьемъ „сына его, *Дагоберта* (т. е., въ 632) *Словене* * стали возмущаться „противъ *Обровъ*, именуемыхъ *Гуннами*, и пр. *Гунны* пріѣзжали всякій годъ зимовать помежду Словенъ, отнимали у нихъ женъ и дочерей, и, сверхъ многихъ угнетеній, Словене платили *Гуннамъ* ежегодную подать **."

Дѣйствительно, съ этого времени начинается Исторія Богеміи, Сорабіи и Моравіи, какъ странъ независимыхъ. Въ этой революціи, или изгнаніи *Обровъ*, фигурируетъ нѣкто *Samo*, а нынѣшніе Богемскіе, Моравскіе и даже Нѣмецкіе Историки исторію этихъ Славянскихъ племенъ начинаютъ этимъ же *Samo*. Какъ будто податное состояніе народа до 630 годовъ, не принадлежитъ къ его Исторіи!!! Зачѣмъ предполагать, что за 80 лѣтъ, т. е., около 559 году, или во время трансакцій Обровъ или *Гунновъ* съ Сигебертомъ Франкскимъ, не было этого народа въ Богеміи и Моравіи отъ того только, что Григорій Турскій въ трансакціяхъ не упоминаетъ о немъ, какъ о податномъ, а упоминаетъ, какъ и слѣдовало, о господствующемъ племени, или правительствѣ, котораго интересъ въ Германіи былъ нарушенъ Франками? Да и почему не думать, что эти Германскіе *Slavi* находились въ податномъ состояніи и въ зависимости отъ *Обровъ* со времени Аттилы, т. е., съ 450 годовъ? Да и по чему же тамъ бы не жить этому народу и до Аттилы? Но это въ сторону. Куда же дѣвались *Обры*, т. е., гдѣ же были народныя ихъ жилища? Разумѣется, въ странахъ, граничащихъ съ *Моравіею* и *Силезіею*, а именно, съ Востока. Гдѣ же именно? Мы принуждены сказать, что Обры должны были жить по Нѣману, по Днѣпру, по Днѣстру, или по Венгріи.

Теперь мы не много оттѣнили природныя жилища Обровъ отъ ихъ владѣній со стороны Западной.

Гдѣ же, собственно, жилища *Обровъ* или Гунновъ? Новѣйшіе ученые полагаютъ, одни въ Панноніи, другіе въ Дакіи. Это разнорѣчіе показываетъ, что ни тѣ, ни другіе не убѣждены совершенно въ томъ, что говорятъ; а, на оборотъ, всякая вещь, объясненная *опредѣлительно*, не допускаетъ разногласія.

Чтобы легче и вѣрнѣе можно было сообразить вопросъ, то мы разсортируемъ нынѣшніе предѣлы Венгріи и Австрійскаго Герцогства. Извѣстно, что Дунай во всемъ своемъ теченіи былъ вѣчнымъ,

* Подъ этимъ именемъ Фредегарій подразумѣваетъ Чеховъ, Моравцевъ и Сербовъ.

** Cap. 48. Anno 40-mo regni Chlotarii et 3-o ejus filii Dagoberti .... Sclavi iam contra *Avaros*, cognomento *Hunnos*, et regem eorum Gaganum coeperant rebellare, etc *Hunni* hyemandum singulis annis in Sclavos veniebant: uxores Sclavorum et filias eorum stratu sumebant, tributa, super alias oppressiones Sclavi Hunnis solvebant, etc.

естественнымъ предѣломъ, какъ между Государствами, такъ и между языками, т. е., былъ границею не только Политическою, но и Филологическою. Только съ X вѣка образовалось Венгерское Королевство, такъ, что Дунаю пришлось протекать по его срединѣ. Въ продолженіе первыхъ четырехъ вѣковъ Дунай былъ границею Римской Имперіи; часть Австрійскаго Герцогства, Задунайская часть Венгріи, съ частью Славоніи и Кроаціи, составляли Паннонію. Природные жители этой Панноніи, равно-какъ и Норика, части Ретіи, Истріи, подъ самую Верону и Венецію нынѣшняго Иллирійскаго Королевства, составляли искони отдѣльное Славянское племя, извѣстное подъ природнымъ именемъ *Словенцевъ* и *Краинцевъ*. Изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ только это одно было дѣйствительно *старожильнымъ* по ту сторону Дуная, потому что Болгаре и Сербы перешли за Дунай въ Мизію, Македонію и Ѳракію только по разрушеніи Имперіи.

И такъ, нарѣчіе этого племени съ Норическихъ горъ простиралось къ Сѣверу и Востоку только до Дуная; но отъ Дуная къ Сѣверу до береговъ рѣки Лабы (Эльбы) простиралось другое Славянское нарѣчіе подъ названіемъ *Чешскаго языка*, который, какъ въ старину, такъ и теперь, занимаетъ Сѣверо-Западный уголъ Венгріи (Словаковъ), Моравію и Богемію. Языкъ *Чешскій* къ Западу граничитъ съ языкомъ *Сербскимъ* или *Сервскимъ* (lingua Sorabica, Servica), который отъ предѣловъ Богеміи простирался къ Западу по той части Баваріи и окружныхъ Герцогствъ, которая искони слыла землею Франковъ (Franken-Land, Franconia), по *Лужицамъ*, по нынѣшней Саксоніи, чрезъ Турингенъ до самого Гарцъ-Вальда къ Рейну. Языкъ этотъ и доселѣ уцѣлѣлъ въ Лужицахъ, въ Саксоніи и, отчасти, въ Бранденбургѣ; 300 лѣтъ тому назадъ всѣ деревни вокругъ Лейпцига (Липска) говорили на этомъ языкѣ; но, въ древности, этотъ языкъ далеко простирался къ Западу, гдѣ примыкалъ къ Нѣмецкому (lingua Alemannica). Этотъ Нѣмецкій языкъ занималъ западную часть Баваріи, часть Швейцаріи, Виртембергское Королевство и Баденъ. Такимъ образомъ, посреди Баваріи и около Касселя, сталкивались два противоположные языка. Древніе весьма рачительно ихъ отличали, такъ что *Alemanni* значило *Deutchland*, а Сербщина слыла *Franki*, *Francones*, *Franken-Land*.

Съ другой стороны, т. е., къ Сѣверо-Востоку, Чешскій языкъ граничитъ съ *Ляшскимъ*, состоявшимъ изъ *Слезаковъ*, *Кракусовъ* и *Мазуровъ*. Висла искони отдѣляла Ляшскій языкъ отъ Русскаго.

Надобно замѣтить, что Чешскій языкъ отъ предѣловъ нынѣшней Саксоніи переходилъ черезъ горы въ Моравію, а чрезъ Карпаты въ Австрійское Герцогство и Венгрію по самый Дунай. Такимъ точно образомъ и Русскій языкъ переваливался черезъ Карпаты въ Венгрію къ берегамъ рѣки Тисы, такъ что, если въ Скиѳіи нашей Русскій языкъ простирался къ Югу мимо Ляшскаго, то въ Карпатахъ и за Карпатами стремился рядомъ съ Чешскимъ; и если по рѣкѣ Бугу и Нареву онъ подвергался Ляхизмамъ, то въ Шарошскомъ, Земплинскомъ и другихъ Графствахъ Венгріи, и доселѣ онъ подвергался Чехизмамъ. Граждане вольнаго Королевскаго города *Пра-*

шова (Eperies) имѣютъ своего Русскаго Архіерея, молятся на языкѣ нашемъ, Церковномъ, но съ трудомъ опредѣлить могутъ, точно ли они Русаки, или Словаки! До того они Чехствуютъ! По разборъ этого обстоятельства необходимъ будетъ для особыхъ историческихъ надобностей.

Русь отъ Ляшскихъ и Чешскихъ предѣловъ простиралась далеко къ Востоку; на Югѣ она занимала всѣ восточные Карпаты и всю Трансильванію: эту природную, древнѣйшую Русскую Швейцарію.

Однако, Русскій языкъ, въ протяженіи къ Югу, не останавливался на томъ же градусѣ, на которомъ и Чешскій, задержанный теченіемъ Дуная съ Запада къ Востоку. Дунай не хотѣлъ ворваться въ Русь: какъ только приблизился къ ея предѣламъ, тотчасъ, возлѣ Песта, заворотилъ къ Югу, чтобы бѣжать паралельно съ Русскими горами (извѣстными подъ глупымъ, Греческимъ или Цыганскимъ, названіемъ Карпатовъ, и о которомъ народъ ничего не знаетъ), съ твердымъ намѣреніемъ не допустить всѣмъ Русскимъ горамъ перебѣжать въ систему Балканкую: и какъ только прибылъ подъ Бѣлградъ, остановился, чтобъ выглядѣть, какъ Наполеонъ подъ Австерлицемъ, самое слабое мѣсто въ тянуще ся къ Югу линіи Русскихъ горъ; кинулся на нее, подобно удаву и, не подалеку отъ Оршова, грудью разбилъ линію; съ невѣроятною быстротою и шумомъ проскользнулъ онъ сквозь пробитое отверстіе пересѣченнаго хребта и, перевалясь на спину, какъ будто измученный ударомъ, тихо и безжизненно едва тянется на спинѣ къ Востоку въ море, грѣясь на тепломъ солнцѣ Юга. Тамъ уже ползаетъ по немъ не только человѣчество, но и корабли, а онъ лежитъ, какъ безчувственъ, и только когда находитъ на него лихорадка и стужа, тогда кожу его подергиваетъ дрожь, и онъ судообразныя насѣкомыя стряхиваетъ на берегъ:

Ой Дунай, Дунай,
Сила Дунаевичъ!

И доселѣ помнитъ тебя Русь, что ты не далъ ей уйти въ Грецію, а пустилъ одни только вереницы журавлиныя!

Наблюдая за Дунаемъ, мы должны сообразить его характеръ. *Висла* была всегда домашнее животное между Русью и Ляхами (un fleuve apprivoisé); на восточные ея берега приходили дѣти и дѣвы Русскія мыть полотно, или ноги, или расплетать косы: на западные берега приходили Ляшенки. Такая же смирная рѣка была и *Лаба* Чешская, и *Одра* Померанская, и Двина. Но рѣки мужескія, каковы *Донъ*, *Днѣпръ*, *Днѣстръ*, *Дунай*, только въ молодости своей возились съ дѣвами возлѣ гуменъ, садовъ и дворовъ и поили рогатую скотину. Такъ и Дунай выросталъ между Словенами и Чехами; но какъ только возмужалъ, удалился въ степь, и принялъ характеръ разбойничій.

Кому либо могло бы показаться, что я слишкомъ поэтизировалъ такое существо, какое есть рѣка. Да, не одна рѣка, но вся мѣстность составляетъ, или имѣетъ свой особенный характеръ. Это особенное ощущеніе извѣстно только тому, кто родился и выросъ въ горахъ, а послѣ перенесся въ противоположность, на равнины, въ степь; кругомъ необозримая равнина дѣйствительно наводитъ на душу какое-то уныніе, страхъ, опасеніе, потому что безлѣсная, безводная, необитаемая даль всегда непріязненна, негостепріимна. Проѣзжая, въ 1830 году, по Валахіи изъ подъ *Гирсова* чрезъ *Слободзію* въ Силистрію, я не разъ думалъ себѣ, что, если бы конь мой бросилъ меня одного и безоружнаго на степи, то я впалъ бы въ отчаяніе. Нигдѣ человѣкъ не прилѣпляется такъ сильно къ лошади, какъ на степи, потому что нигдѣ не имѣетъ въ ней такой нужды, какъ на степи. Въ слѣдствіе этого, народы, именно отъ свойства мѣстности, могутъ быть больше или меньше конные. Не вдругъ могъ бы я вамъ сказать, что такое Цариградъ, что такое Парижъ, что такое Лондонъ, и что такое Копенгагенъ. Для меня, здѣсь, важнѣе сказать, что такое Москва. Ужели никто не видитъ, что Москва не иное что, какъ только *кавалерскій или конный лагерь*. Это слово *конный* заключаетъ въ себѣ всѣ ругательства и всѣ похвалы Велико-Русскому народу, т. е., легко объясняетъ все то, надъ изложеніемъ чего Философъ истратилъ бы многіе годы и многія книги. Слово „конный" даетъ полное понятіе не только о городѣ, но и обо всемъ племени, такъ какъ Велико-Россы и конница суть синонимы.

Помню, какіе оттѣнки принималъ мой характеръ въ проѣздъ чрезъ мѣста необозримыя; проѣзжая въ Силистрію, за 30 верстъ видѣлъ я Южные берега Дуная; за 15 видѣлъ всадника, который ѣхалъ мнѣ на встрѣчу. Съ южныхъ береговъ, молодой Римлянинъ за 40 верстъ могъ во всѣ стороны видѣть по Валахіи; если онъ, этотъ Lucius Flaminius, стоялъ на караульной ставкѣ, то легко могъ отличить, какъ по этому необозримому пространству носятся тучи кавалерійскія. Молодой Римлянинъ съ ужасомъ смотрѣлъ въ эту мрачную даль, изъ которой я подъѣзжалъ къ нему, и въ которую онъ едва ли рѣшился бы пуститься пѣшкомъ и съ ранцемъ за плечами.

Я сравнивалъ его ощущенія и мои; онъ изъ Рима прибылъ въ Силистрію пѣшкомъ въ продолженіе 40 дней; я туда прискакалъ изъ Москвы въ продолженіе 40 дней, не смотря на двойное разстояніе. Если бы я посадилъ къ себѣ какого-либо Баварскаго, или Виртембергскаго Алеманна, и тащилъ бы его въ телѣги въ Силистрію день и ночь и во всю прыть, то онъ не могъ бы не удивляться такой варворской ѣздѣ, *so barbarisch fahren!* Не смотря на то, ѣзда эта сдѣлала бы порядочную операцію на его внутренность, и мой Нѣмецъ возвратился бы въ свою Нѣмецію ужь не Нѣмцемъ, а Скиѳомъ, онъ былъ бы тогда сложное существо, *Alemannus Scythisatus*; Алеманнъ, навѣрное, подошелъ бы къ нему съ подобострастіемъ, потому что онъ имѣлъ бы непремѣнно высокое понятіе объ *ein römischer Officier*. Я бы не могъ безчувствовать этого уваженія, потому что мои ощущенія распялены безконечностью и опасностью Скиѳскаго небосклона, какъ необозримостью моря, и приняли бы характеръ гордый, надменный, саркастическій. Кто испыталъ вліяніе ужаснаго, кто превозмогъ опасное, тотъ непре-

мѣнно дѣлается отважнѣе, гордѣе. Притомъ же, если пѣхотинецъ, или ѣздокъ на волахъ и ослахъ (какъ Римлянинъ), пріучается къ терпѣнію, то конная и быстрая ѣзда сдѣлала съ меня, какъ Скиѳа, человѣка самого нетерпѣливаго Пока Алеманнъ съ подобострастнымъ терпѣніемъ ожидалъ бы выхода изъ пограничной ставки *des Herrn römischen Officier's Lucius Flaminius*, я бы закричалъ съ презрѣніемъ отъ нетерпѣнія: „*Ну!! Мусье выдыбай!*" съ презрѣніемъ, потому что я выучился презирать съ опасностью и самого Луція Фламинія.

Фламиній, навѣрное, принялъ бы меня съ большею недовѣрчивостью, чѣмъ Алеманна, но презрѣть меня не могъ бы, потому что Скиѳъ въ глазахъ Италіанца всегда представлялъ что-то достойное, если не удивленія, то, по крайней мѣрѣ, вниманія. Извѣстно, что Италія была и есть страна вовсе не конная; она всегда была страна коровья, какъ и самое ея имя выражаетъ, потому что *ιταλος* значитъ по Гречески то, что по Латыни *vitulus*, *теленокъ* или, даже, *оселъ*. Римъ никогда не имѣлъ своей кавалеріи, потому что нельзя назвать кавалеріею находившихся при всякомъ 6,000 пѣхотномъ полкѣ 60 всадниковъ, которые на своихъ аргамакахъ тянулись за полкомъ шагомъ, подобно Нѣмецкимъ маркитантамъ; всякій уроженецъ нашей необозримой Скиѳіи, или Сармаціи, захохоталъ бы во все горло, видя подобныхъ рыцарей. Бѣдному Луцію Фламинію никогда не посчастливилось бы видѣть въ своей арміи такія великолѣпныя конныя позы, какія онъ видѣлъ въ Римѣ у тріумфальныхъ мраморныхъ колесницъ, у коихъ мраморные или живописные кони изображены въ полномъ скаку, а буйныя шеи пристяжныхъ на растяжку. Какъ могъ бы Луцій Фламиній презрѣть всякаго Скиѳа, который бы скакалъ въ полной, подобной тріумфальной - скульпурной позиціи и колесницѣ, именно во всю дорогу отъ горъ Рифейскихъ (то есть отъ Москвы) до береговъ Мизіи! Если хотите осуществить фантазію скульптора Греческаго, или Римскаго, то велите заложить себѣ въ дрожки тройку Русскую, садитесь и поѣзжайте по-Руски, и будьте увѣрены, что тріумфальныя Греческія и Римскія модели Юлія Цесаря, или Траяна сняты именно съ вашей Русской тройки. Въ одномъ только можно бы упрекнуть ваятелей, а именно въ томъ, что забыли дугу, если бы ея отдѣлкѣ не мѣшалъ или мраморъ, или самое искусство. Самыя даже колесницы суть исключительно Скиѳское изобрѣтеніе, потому что онѣ представляютъ первую необходимость Скиѳіи.

Можетъ быть, я самъ не показался бы Луцію Фламинію слишкомъ изященъ, при видѣ моей бурки. Пусть онъ бы меня называлъ *barbarus*, я бы, однако, похвалилъ его Цицерона или Сенеку; сказалъ бы, что у нихъ много прекраснаго, но что нерѣдко *городятъ околесную*; всякій Скиѳъ сказалъ бы это непремѣнно, потому что Скиѳія, страна конная, имѣетъ свои исключительныя ощущенія и образъ воззрѣнія на вещи. Платонъ у насъ, сказалъ бы я ему, сдѣлалъ бы у насъ странное впечатлѣніе, и если онъ великій человѣкъ въ Аѳинахъ, то у насъ, съ своимъ городовымъ уложеніемъ, онъ ни къ чему не годился бы, кромѣ развѣ въ Бургомистры въ городъ *Смоленскъ*. Можетъ быть, Алеманнъ съ Фламиніемъ меня осудили бы одинаково; можетъ, они рѣшились бы взять меня въ плѣнъ, для того, чтобы продать; но я, Скиѳъ, рѣшился бы плѣнить и Нѣмца и Римлянина, для того только, чтобы ихъ *осѣдлать* и поѣздить на нихъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, поѣздивши тирански на конѣ, что можетъ помѣшать мнѣ захотѣть поѣздить и на человѣкѣ?

Такимъ образомъ, разнообразная мѣстность доводитъ человѣка до разнообразныхъ привычекъ.

Это небольшое отступленіе я допустилъ изъ необходимости показать: 1) что мѣстность имѣетъ вліяніе на характеръ въ народѣ; 2) что мѣстность имѣетъ вліяніе и на Исторію, т. е., что въ нашихъ Историческихъ мечтаніяхъ мы не должны разквартировывать народъ вопреки обитаемости, или необитаемости, странъ.

Чтобы кончить опредѣленіе Русской полосы, должно прибавить слѣдующее: Венгрія состоитъ изъ необозримой равнины. Такъ какъ эта равнина кругомъ окружена высокими горами, то Венгрія представляетъ глубокій тазъ.

Другой тазъ глубокій представляетъ поверхность Валахіи. Я уже, выше, сказалъ, что южные берега Дуная видны за 30 верстъ. Силистрія лежитъ на самомъ Дунаѣ у подошвы высокихъ горъ. Я вскарабкался на эту вершину, въ надеждѣ опять спуститься на ту сторону, какъ вдругъ, вмѣсто вершины горы, я очутился на самомъ краю Болгарской или Задунайской равнины, отчасти покрытой деревьями. Если провести отъ моихъ ногъ черезъ Дунай къ Сѣверу горизонтальную линію, то она пронеслась бы очень высоко надъ Валахіею и уперлась бы въ горы Трансильваніи, или въ возвышенную поверхность Молдавіи и Бессарабіи.

Южные берега Дуная вовсе не рѣчные; они представляютъ всѣ черты морскихъ береговъ. Не стану здѣсь доказывать и пояснять, что Венгрія и Валахія были нѣкогда морями *, а скажу только, что дно обѣихъ этѣхъ странъ и доселѣ представляетъ безлѣсныя и безводныя равнины. Гдѣ воды нѣтъ, тамъ и лѣсу нѣтъ; тамъ человѣкъ не можетъ завести постояннаго жилища. Вотъ почему Валахія и Венгрія суть страны неудобонаселительныя. Въ степной части Венгріи, по Дунаю и Тисѣ, есть пустыни необитаемыя; цѣлыя сутки скачешь, не видѣвши ни кола, ни двора, ни деревца. Но за то, гдѣ проявился прудокъ, или удобный водопойный источникъ, тамъ накопилось огромное село. Вотъ почему въ степной Венгріи есть такія селы, какихъ нигдѣ въ мірѣ на пр., *Сарвашъ* въ 17,000, *Русскій Домъ* (Orosz-háza) въ 12.000, *Чаба* въ 20,000 душъ. По той самой причинѣ, *Крашовское* Жупанство ничуть, пространствомъ, не меньше другихъ, имѣющихъ

* См. Опытъ Идравлической географіи, или нѣкоторыя черты предпологаемой науки; сочиненіе *Юрія Венелина* (находящееся еще въ рукописи). *И. Молнаръ*.

400 селеній, хотя оно состоитъ только изъ трехъ. Кто ѣзжалъ по степямъ Валахіи, тотъ припомнитъ себѣ ея пустоту. Селенія только по рѣкамъ; по междурѣчному же пространству человѣчество, подобно кротамъ, роетъ себѣ ямы въ покатой землѣ, и накрываетъ ихъ соломою. Этого рода селенія называются тамъ Бордеями.

Но за то и пріятность и свѣжесть мѣстоположеній, и достатокъ воды и лѣса есть въ долинахъ горъ, спускающихся изъ Трансилваніи какъ въ Венгрію, такъ и въ Валахію; тутъ народъ свѣжѣе и здоровѣе.

И такъ, Русскій народъ искони могъ проникнуть къ Югу, по мѣстамъ удобонаселимымъ, по Молдавіи, Трансилваніи, до степей Венгріи и Валахіи. Вотъ какая граница отдѣляла Русь отъ Римской Имперіи; не Дунай только, но, что ужаснѣе, необозримая и негостепріимная степь. Если Моравскія и Словенскія дѣвы ежедневно могли мыть ноги въ Дунаѣ, то Русскія слышали о немъ только по наслышкѣ Русскихъ наѣздниковъ. Не съ корчагой пѣшкомъ ходила Русь на Дунай; она бросалась на коньа, съ саблею на боку, съ пикою и стрѣлою за плечами, и три дня и три ночи скакала, чтобы увидѣть этого степнаго удава.

Я имѣлъ случай испытать вліяніе этѣхъ обѣихъ степей, и если что сказалъ, то оно, по крайней мѣрѣ, тѣмъ хорошо, что снято мною съ самой натуры.

Такимъ образомъ, гористая Русь повисла къ Югу межъ степей; выдалась, подобно Мореѣ, въ бывшее нѣкогда море; тамъ оканчивался міръ Европейскій отъ міра Заморскаго, — нынѣ Задунайскаго; тамъ оканчивались древнѣйшія жилища Славянщины отъ Заморской Скиперіи, отъ Задунайскаго полустрова, который, впрочемъ, есть плотный кусокъ, насильственно отрѣзанный отъ Анатоліи, отъ Азіи, Цереградскимъ быстротечнымъ каналомъ. За этимъ высохшимъ моремъ было человѣчество, совсѣмъ противоположное Европейскому; такъ какъ и доселѣ языкъ Скиперіи, языкъ старожиловъ Албанцевъ, не имѣетъ ничего общаго съ основою языковъ Европейскихъ, но за то онъ сроденъ съ языками Малой Азіи и Кавказа.

Такимъ образомъ, Геологія послужитъ намъ отчасти къ исправленію Исторіи. Хотя море давно истекло въ другія мѣста, но вліяніе его дна осталось и въ послѣдствіи. Римляне не могли смотрѣть безъ ужаса въ эту необозримую даль, въ которой то являлись, то опять исчезали кавалерійскія толпы. Но наѣзды опаснѣе были со стороны Русскихъ горъ, зимою, когда ледъ вездѣ постлалъ наѣздникамъ открытой мостъ чрезъ Дунай. Нигдѣ Римское Правительство такъ не опасалось, какъ со стороны Русскихъ горъ, которыя одинаково насылали свою кавалерію какъ въ Паннонію (Словенію), такъ и въ Мизію (въ Болгарію). Почти невозможно было, да и опасно, посылать пѣхоту въ этѣ степи, такъ что Римъ находился, съ этой точки, только въ защитительномъ положеніи, а необозримая Скиѳія отправляла въ поиски за Дунай. Наконецъ, Римляне нашли необходимымъ завоевать гористое мѣсто между Банатомъ и Малою Валахіею, заселить военными поселеніями, назначеніе которыхъ было дѣйствовать на наѣздниковъ, съ боку, или съ тылу, въ обѣ стороны, и по Валахіи и по Венгріи. Это завелъ Траянъ; но какъ содержаніе и защита самыхъ поселеній стоили Правительству чрезмѣрныхъ издержекъ и трудовъ, то Авреліанъ перевелъ всѣ поселенные полки снова за Дунай, и велѣлъ разломать каменный мостъ, соединявшій ихъ съ правымъ берегомъ Дуная.

Такъ какъ горы Русскія тянулись къ Югу рядомъ съ Панноніею, то Русской языкъ, простиравшись къ Югу, плотно, мимо Ляховъ и Чеховъ, потянулся дальше и мимо Задунайскихъ Словенцевъ, съ тѣмъ, однако, что ихъ отдѣлялъ не только Дунай, но и негостепріимная и дальная степь.

Нынѣ въ Трансилваніи, съ ея опушками въ Венгрію и Валахію, давно уже нѣтъ ни души Русской. Эта гористая полоса занята тремя разными языками: 1) Трансилванію населяютъ *Волохи* (Румуне), племя Италіанское; 2) Долины населяютъ *Мадяры*, племя Манджурское; къ ихъ нарѣчію и племени принадлежатъ и *Половцы* (Siculi, Székelyek), занимающіе *семь* горскихъ округовъ; 3) Саксонскія колоніи, въ южныхъ округахъ Трансилваніи. Это иноплеменное заселеніе Русскихъ горъ, Русской Швейцаріи, не мало мѣшаетъ хорошему историческому мышленію, потому что, какъ только дѣло дойдетъ до, такъ называемой, Дакіи, тотчасъ мысль тамъ прекращается о природной Руси, при взглядѣ на новое ея иноплеменное заселеніе. Такъ, многіе попали въ сѣти отъ этого обстоятельства, разбирая эпоху Гунновъ, или Обровъ (Аваровъ) и другихъ именъ народныхъ, относящихся къ той сторонѣ, до 800 годовъ.

Но всѣ эти иноплеменники заняли Русскія горы только съ 800 года.

1. *Волохи.* Вообще, говорятъ, что они потомки колоній Траяновыхъ. Но колоніи этѣ были переведены обратно за Дунай Императоромъ Авреліаномъ во II вѣкѣ и разселены по разнымъ мѣстамъ какъ Мизіи, такъ и Македоніи. Въ слѣдствіе этого, часть Мизіи, Верхней и Нижней, соединена была подъ особое управленіе и названіе *Средней Мизіи* или Побережной Дакіи (Mys Mediterranea или Dacia Ripensis). Такимъ образомъ, снова исчезла, такъ называемая, Дакія по сію сторону Дуная, потому что опять вошла въ составъ Скиѳіи.

Константинъ Великій, переводя столицу въ Цариградъ, перевелъ еще нѣкоторыя Италіанскія колоніи во Ѳракію, которую, по сему, велѣлъ именовать *Романіею* (Romania).

Въ войнахъ Болгаръ съ Византійцами Болгарское Правительство, отнявъ у нихъ большую часть этой Романіи и Македоніи, чтобъ ослабить Греко-Римлянъ, почти всѣ этѣ колоніи, въ числѣ 30,000 семействъ, переселило въ свои владѣнія по сію сторону Дуная, и разселило по разнымъ мѣстамъ гористымъ (Трансилваніи и Валахіи), откуда, на оборотъ, перемѣстило за Балканы значительное количество Болгаръ.

И такъ, съ IX вѣка, эти 30,000 семейныхъ *Румыновъ* или *Романцевъ* или, какъ Русь ихъ называла, *Волоховъ*, были разсадникомъ всѣхъ, нынѣ существующихъ, Волоховъ и Молдаванъ по Венгріи, Трансилваніи, Валахіи, Молдавіи.

2. *Мадяры* или *Угры* (Венгры) вошли въ Венгрію въ X вѣкѣ; съ XI установили Королевство, а особенная ихъ Орда, подъ начальствомъ *Тугутума*, завладѣла Трансилваніею.

3. Въ XII столѣтіи, отъ нашествія Татаръ на Новороссійскій край, Половцы оттуда удалились въ горы Трансилваніи, гдѣ и нынѣ раздѣлены на округи (Sedes Siculorum).

4. По опустошеніи Татарами Венгріи, Правительство поселило въ Южной Твансилваніи Саксонскія колоніи около городовъ *Сибина* и *Брашова* (первый изъ нихъ эти колонисты называютъ Hermanstadt, а послѣдній Kronstadt.).

Вотъ краткая Исторія заселенія Русскихъ горъ IX вѣка, тремя иноплеменными, но совсѣмъ разноязычными, народами.

И такъ, обозначивъ эпохи новыхъ поселеній въ Загорской, Закарпатской Руси, очищаются намъ подлинные ея сторожилы, а именно, племя Русское. Если возвратить Саксонцевъ Древней Бременской Саксоніи, Мадяровъ, съ ихъ единоязычными Половцами Дону, а Волоховъ Македоніи, или, лучше, Италіи, то останется на мѣстѣ одно племя Русское. Да и могли ли быть другіе старожилы этой Швейцаріи восточной Европы, если она подымается на Русской почвѣ?

Сколько ни потерпѣла народность Руси, Горской и Загорской, отъ поселеній иноязычныхъ, однако, и доселѣ уцѣлѣла. Еще слишкомъ 500,000 Русскихъ жителей живетъ и нынѣ по разнымъ Графствамъ Сѣверо-Восточной Венгріи; и если къ этому числу Закарпатской Руси прибавить 700,000 Руси, живущей въ горахъ, съ сѣверной стороны Карпатскаго хребта по Галиціи, Буковинѣ и горной части Молдавіи, то выйдетъ болѣе 1,200,000 природной Горской Руси. Что касается до горъ Трансилваніи съ ихъ окресностями въ Венгріи, Валахіи и Молдавіи, то вездѣ по нимъ розсѣяны непреложные слѣды Руси, но изложеніе которыхъ должно быть предметомъ особеннаго разсужденія.

При семъ, не могу не упомянуть о ложномъ мнѣніи Венгерскихъ Историковъ, *будто Русь переселилась за Карпаты, вмѣстѣ съ Венграми, только въ IX вѣкѣ.* Принимая то, что перенесеніе Мадярскихъ кочевьевъ съ Дона за Карпаты на Дунай въ тамошнюю степь, точно, можно назвать *переселеніемъ*, я не понимаю, какимъ образомъ можно назвать переселеніемъ въ Венгрію (т. е., Загорскую Русь) Русскаго народа, если онъ искони обиталъ не только до Карпатовъ, но сплошь и въ Карпатахъ. Изъ этого положенія осѣдлаго и некочеваго Русскаго народа невозможно вывести ни малѣйшаго движенія, которое можно бы назвать *переселеніемъ.* Дѣло въ томъ, что Загорская Русь, съ 1,000 годовъ стала носить названіе Венгріи; но какъ въ ней оказался и Русскій народъ, то хронисты вообразили себѣ прибытіе его, вмѣстѣ съ Венграми, изъ такой страны, которая въ ихъ время называлась бы Русью! Русскія лѣтописи помнятъ о переходѣ (888 г.) Угровъ за Карпаты, но о переселеніи Руси ничего не знаютъ; Венгерскія же лѣтописи начались гораздо позже, и о переселеніи Руси намекаютъ въ слѣдствіе того только, что это имъ такъ показалось. Хотя мнѣніе это *чисто опрометчиво*, однако, оно и доселѣ въ общемъ ходу въ Венгріи. Остается только увѣриться окончательно, что старожилы стороны Карпатской и Закарпатской по самый Дунай составляли искони часть Русскаго племени.

Такимъ образомъ, опредѣливъ себѣ народные или филологическіе, языческіе, предѣлы разныхъ Славянскихъ племенъ до 800 года, мы отправимся далѣе къ опредѣленію и отысканію подлиннаго жилища *Обровъ*.

Мы уже видѣли, что Обры къ Словакамъ, Моравцамъ, Богемцамъ, ѣздили только гарнизономъ и собирали подати. Разсмотримъ теперь ихъ отношеніе къ Панноніи или Словеніи (т. е., Задунайской Венгріи, Задунайской части Австрійскаго Герцогства, восточной части Штиріи, Каринтіи, Кроаціи, Славоніи и части Босніи). Эта страна, послѣ ея отторженія Аттилою (452 году) отъ Италіи, подверглась разнымъ нашествіямъ. *Ардарикъ*, служившій вѣрно Аттилѣ, пріобрѣлъ этой странѣ или племени существованіе независимое, которымъ она пользовалась около 100 лѣтъ, будучи управляема пріемниками Ардарика до смутъ Лонгобардскихъ.

Имя Панноніи давно уже забыто; писатели VI вѣка одни называли жителей ея личнымъ ихъ именемъ, Sthlavini (Словене, Словенцы), а другіе называли ихъ по Гречески, *Гепидами*, т. е., Туземцами, для отличія отъ преобладающихъ народовъ; *Γηπαῖδες* (отъ *γῆ* страна, и *παῖδες*, мальчики, сыновья) значитъ природные сыны страны, или *туземцы.*

Въ половинѣ VI вѣка, Лонгобарды съ береговъ *Одры*, завладѣли всѣмъ къ Югу до рѣки *По* и до Генуи. *Павелъ Діаконъ*, писатель VIII вѣка, въ своей исторіи Лонгобардовъ, пишетъ слѣдующее объ отношеніяхъ между правителями Словенцевъ и Лонгобардами. 561 годъ. „Между тѣмъ скончался *Туризендъ*, Правитель Туземцевъ (Rex „Gepidorum); ему наслѣдовалъ *Кунимундъ*, который, желая отмстить за „старыя обиды, нанесенныя *туземцамъ*, сдѣлалъ разрывъ мира съ „Лонгобардами. По *Албоинъ* (Лонгобардскій) заключилъ (какъ видно, „еще прежде) вѣчный миръ съ *Обрами*, которые *прежде назывались* „*Гуннами*, а послѣ, отъ имени ихъ Царя (?!), *Обрами*, и, послѣ, „отправился воевать съ *туземцами*. Когда туземцы двинулись противъ него, *Обры*, согласно съ тѣмъ, какъ условились съ Албоиномъ, „напали на ихъ *страну*. Кунимундъ палъ духомъ, когда получилъ „печальное извѣстіе, что *Обры вошли въ его область*. Будучи стѣсненъ движеніями съ двухъ сторонъ, онъ убѣдилъ прежде своихъ напасть на Лонгобардовъ, которыхъ, если бы удалось поразить, то „тогда обратились бы *на изгнаніе Гунновъ изъ отечества*. И такъ, „завязалось сраженіе, въ которомъ Лонгобарды одержали побѣду и „до того губили туземцевъ, что едва ли кому удалось спастись съ мѣста сраженія, въ которомъ Албоинъ убилъ Кунимунда, а изъ его че-

„репа велѣлъ сдѣлать себѣ чашу и проч. Тогда Лонобарды пріобрѣли „такую добычу, что чрезвычайно обогатились. Но племя туземцевъ такъ „разстроено, что *съ тѣхъ поръ не имѣли болѣе* своего собственнаго пра„вителя: ut ex illo iam tempore ultra non habuerint Regem, но или подчи„нены *Лонгобардамъ*, или же *стонутъ подъ жестокимъ игомъ Гунновъ*, „которые и доселѣ *владѣютъ ихъ отечествомъ*.“ Кажется, что къ этому ненуженъ Комментарій. *Албоинъ* женился на дочери Кунимунда, *Розамундѣ*, единственной наслѣдницѣ.

Прибавимъ еще слѣдующее мѣсто изъ Павла Діакона (lib. 4. cap. 7), чтобъ пояснить отношенія Лонгобардскаго Правительства къ *Гуннской* или *Обрской* Державѣ.

568 годъ. „Албоинъ собственную свою область, т. е., Паннонію „уступилъ друзьямъ своимъ, *Гуннамъ*, съ тѣмъ, что если когда-либо „нужно было Лонгобардамъ возвратиться въ нее, то тогда возвратили „бы назадъ. Такимъ образомъ, Лонгобарды, выступивъ изъ Панноніи „съ женами и дѣтьми, и всѣмъ подвижнымъ имѣніемъ, отправились въ „Италію. Пробыли же въ Панноніи 42 года, а выступили въ Апрѣлѣ „мѣсяцѣ, I индикта, на другой день Свѣтлаго Воскресенія, а отъ во„площенія Господня въ 568 году.“

Надобно замѣтить, что Павелъ Діаконъ подъ именемъ Панноніи не подразумѣваетъ здѣсь всей Словено-Краинской страны, такъ какъ уже прежде, по его же словамъ, Гуннамъ или Обрамъ принадлежала большая ея часть, но онъ разумѣетъ только тотъ участокъ, которымъ владѣлъ *Албоинъ* со времени раздѣла, можетъ быть, по праву жены, наслѣдницы. Упоминаемыя, выше, обиды, нанесенныя туземцамъ, за которыя произошло возстаніе какъ противъ Гунновъ, такъ и противъ Лонгобардовъ, подтверждаютъ ихъ 40-лѣтіе. Этотъ участокъ, оставленный Гуннамъ Албоиномъ, былъ самый Западный, въ Иллиріи, или Австрійскомъ Герцогствѣ, или Штиріи.

Но въ то же время Обры бушевали не только по Иллиріи и Штиріи, но и по Эльбѣ, въ Ганноверѣ и Турингенѣ.

561 г. Пав. Діак. II. 10. „Въ то время Гунны, которыхъ называ„ютъ *Обрами*, узнавши о смерти Клотарія, напали на сына его, *Жи„гиберта*, который встрѣтилъ ихъ въ *Турингіи*, поразилъ у рѣки Аль„бы (Лабы).“ 567 г. „*Обры* опять воевали съ Жигибертомъ и въ тѣхъ „же мѣстахъ поразили войско Франкское.“ Тамъ же, въ 591 г. „Въ „это же время, Король *Агилулфъ* (Лонгобардскій) послалъ Какану „(Бояну), Царю Обрскому, кораблестроительныхъ мастеровъ, при по„мощи коихъ Каканъ завладѣлъ во Ѳракіи какимъ-то островомъ.“ Paul. Diac. IV. c. 21.

Въ 599 г. „Въ это время, послы Агилулфовы, возвратившись отъ Какана, объявили, что съ Обрами заключенъ вѣчный миръ. Съ ними „пріѣхалъ и посланникъ Какана, проѣздомъ во Францію; онъ ѣхалъ „объявить Королямъ Франковъ, чтобы также соблюдали миръ и съ Лон„гобардами, какъ и съ *Обрами*. А между тѣмъ Лонгобарды съ *Обрами* и „*Словенцами* (Штирійцами) напали на Истрію и Далмацію, и все опу„стошили огнемъ и мечемъ.“ Paul. Diac. VI, cap. 25.

Въ 604. г. „*Агилулфъ*, Правитель Лонгобардскій, выѣхалъ изъ „Милана въ Іюнѣ мѣсяцѣ, и осадилъ *Кремону*, вмѣстѣ съ *Словенцами* „(Штирійцами), которыхъ послалъ ему въ помощь Царь *Обровъ*, и „взялъ городъ, 18 Августа, и стѣны разрушилъ до земли.“ Paul. Diac. „IV. cap. 29.

Изъ этого видно, какъ далеко на Западъ тяготѣла Обрская Имперія. Взглянемъ теперь, вкратцѣ, на Югъ, за Дунай, чтобы обойти Обровъ со стороны Византійской Имперіи.

Отношеніе Обровъ къ Югу.

Съ 560 года, Дунай былъ границею между *Обрами* и Византійскою Имперію, возстановленною Іустиномъ Великимъ. Имя *Обровъ* гремитъ съ 560 620 годы по всему Дунаю, въ войнахъ и распряхъ съ Цариградскимъ Дворомъ. Этѣ подробности сохранилъ для насъ въ VII книгахъ *Ѳеофилактъ Симокатта*, писавшій около 610 года, слѣдовательно, современникъ Отца Фредегарія.

Изъ всего разсказа *Симокатты* ясно видно, что народныя жилища *Обровъ* были между Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Выпишемъ изъ *Менандра* и *Симокатты* нѣкоторыя приблизительныя извѣстія.

Съ 558 - 570.

1. Посольство къ *Обрамъ* о союзѣ, и посланные имъ подарки.

2, Анты разбиты *Обрами*; умерщвленіе Антскихъ пословъ.

3. Второе посольство *Обровъ* къ Іустиніану I объ уступкѣ области.

4. Тайныя намѣренія *Обровъ* открыты Іустину. Послы ихъ долго задержаны въ Цариградѣ. Византійцы рачительно стерегутъ Дунай.

5 Послы *Обровъ* возвращаются; оружіе отъ нихъ отнято.

6. Новое посольство *Обровъ* ко Іустину, объ истребованіи 80,000 червонцевъ ежегодной платы.

7. Рѣчь пословъ къ Императору; ихъ просьбы, угрозы, и отвѣты Императора.

8. Обрское посольство отправляется во Францію.

9. Союзъ и миръ между Обрами и Франками.

10, Посольство Лонгобардовъ къ Двору *Обровъ* о союзѣ противъ Словенцевъ и Краинцевъ (*Γηπαίδες*), и война противъ нихъ.

Читатель видитъ здѣсь, что сношенія Обрскаго Двора съ Цариградскимъ совпадаютъ со сношеніями Миланскими и Франкскими. Въ Царствѣ Обровъ Монархъ *Боянъ*, въ Цариградѣ Іустинъ II; въ Миланѣ *Албоинъ*, во Франціи *Жигибертъ*. Отношеніе *Обровъ* къ Западу было, чисто, *тяготѣющее* вліяніе первостепенной Державы.

Сношеніе Обровъ въ 570 — 582.

Обрскій Царь, желая завладѣть страною между Савою и Дравою, заключаетъ въ оковы пословъ Царяградскихъ; отправляетъ посланцевъ къ *Бону*, Губернатору этой области; Бонъ, не смотря на свою болѣзнь, выходитъ имъ на встрѣчу, не соглашается на требованіе посланцевъ, презираетъ угрозы Обровъ. *Баянъ* велѣлъ 10,000 *Гунновъ Кутогорскихъ* (τῶν Κουτριγουρων, λεγομενον Ουννων) переправиться черезъ рѣку Саву и опустошитъ Далмацію, а самъ, со всѣмъ своимъ войскомъ, переправился чрезъ Дунай и расположился между *Туземцами* (ἰῶν Γηπαιδων).

Боянъ соглашается на перемиріе за полученыя деньги; отправляетъ посла въ Цариградъ о возвращеніи себѣ области *Сремской* (Sirmium). Рѣчь посла; отказъ Императора, который отпускаетъ посла и велитъ приготовляться къ военнымъ дѣйствіямъ. Опять посольство Обровъ; угрозы *Таргича*, посланника, и гордость на аудіенціи; Императоръ обѣщается отправитъ къ *Бояну* Цесаревича *Тиверія* чрезвычайнымъ посланникомъ. Новое безуспѣшное посольство Обровъ. Война. Пораженіе *Тиверія* и миръ. Обрское посольство ограблено на возвратномъ пути.

Нѣкоторыя сношенія между Дворами Царяградскимъ и Обрскимъ, относительно обузданія Далматскихъ Славянъ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что нынѣшняя Боснія Кроація, часть Славоніи, Герцеговина, Черногорье и Далматскіе берега, были независимы какъ отъ Византійцевъ, такъ и отъ Обровъ. Примыкая къ морю, защищаемые горами отъ предѣловъ Обрскихъ и Византійскихъ, жители этѣхъ странъ предавались беззаконному грабежу на сухомъ пути, корсерству на морѣ Жители этѣхъ странъ были *Сербскаго* племени, и языка, и нравовъ. Трудно было задавить этихъ горцевъ-моряковъ, такъ что Обрское, Византійское и Миланское Правительсто попеременно давали себѣ руку помощи противъ этого племени. Дипломатъ Менандръ и Ѳеофилактъ Симокатта, описавшіе событія этого времени, обыкновенно называютъ ихъ *Sthlavi, Sthlaveni*; но эти Sthlaveni были, собственно, Сербы Боснійскіе, Черногорскіе и Далматскіе; и доселѣ еще Славонецъ говоритъ по Сербски или по Кроатски.

Мы уже видѣли, что *природные Словенцы*, т. е., жители Задунайской Венгріи, Штиріи, и Краинцы называются у нихъ Туземцами (*Γηπαίδες*), что ихъ страны обращены уже прежде въ Обрскую провинцію. Вообще, съ 500 годовъ, страна между Дравою и Савою, какъ пограничная, была вѣчнымъ яблрокомъ раздора между Гуннами (по Прокопію), Обрами (по Менандру, Симокаттѣ), Болгарами (по Эннодію, и Іорнанду) *съ этой стороны*, а Sthlavi (по Менандру и Симокаттѣ), Gothi (по Іорнанду, Прокопію и Эннодію) *съ той стороны*. По Велизарій, который этихъ Gothi изгналъ изъ Италіи по сію сторону рѣки По, пріобрѣлъ для Имперіи, около 550 года, и эту областцу. Около 510 года, было жестокое сраженіе за нее между Готѳами и Болгарами, какъ описываетъ Павійскій Епископъ. Эннодій, Дипломатъ Ѳеодорика Великаго. Первыми начальствовалъ *Peiza* *, вождь Ѳеодорика, послѣдними *Мундъ*, внукъ Аттилы. Изъ этого видно, что владѣнія Готѳовъ изъ Италіи простирались къ Сѣверо-востоку до рѣки Савы и до предѣловъ Сербіи; но Велизарій, отнявшій отъ нихъ Римъ и Равенну, жестоко ограничилъ ихъ въ этомъ поморскомъ углу. Едва прошло 15 лѣтъ, Правительство Цариградское рѣшилось доконать этихъ Готѳовъ, которые у Менандра слывутъ не Готѳами, какъ у Эннодія и Прокопія, а *Славенами*. Менандръ хорошо ихъ называетъ потому только, что и доселѣ по Далмаціи, Кроато-Сербскій языкъ называется *Словинскимъ*. Весьма странно и достойно вниманія, что три разныя Славянскія нарѣчія называются *Словинскимъ* или *Словенскимъ*. Чешское или Богемское нарѣчіе въ Сѣверо-западныхъ Жупанствахъ Венгріи сами жители называютъ *Словенскимъ*, а себя *Словаками*; природные Штирійцы и Каріольцы себя называютъ *Словенцами*, а языкъ *Словенскимъ*. Не смотря на это, между жителями *Пожуна* (*Presburg*), *Любляны* (*Laibach*) и *Дубровника* (*Ragusa*) такая же разница, какая толь, кто можетъ быть между тремя разными народами. Это тожество имени въ трехъ разныхъ націяхъ такое *собачее* обстоятельство, отъ котораго историки непремѣнно должны сойти съ ума. Природные Словенцы одни только жители Штиріи; не смотря на это, очень легко спутать понятія и вещи. Кто не знаетъ этого различія, тотъ не имѣетъ права брать въ руки древнихъ писателей и хронистовъ. Никакой Шлецеръ, ни какой Гердеръ, или Геереъ, никакой Гизо, ни какой Карамзинъ, ни какой членъ Академіи не имѣетъ права судить объ Исторіи, приводить цитаты, если онъ не знаетъ этого различія, ибо какъ ему понятъ, о комъ, собственно, изъ этихъ трехъ племенъ говорятъ древніе писатели? Если Россіянинъ, въ XIX вѣкѣ, какъ Славянинъ, не имѣетъ понятія объ этомъ различіи и путаетъ понятія и вещи, то какъ ихъ не спутать и иноплеменнику!

Надобно, однако, отдать честь древнимъ, что они, приглядѣвшись вещамъ вблизи, старались дѣлать различіе въ вещахъ, называя ихъ разными именами. Такъ, на пр., Прокопій и Іорнандъ, писавшіе около 550 года, Далматскихъ и Боснійскихъ Лже Словенцевъ называютъ *Готѳами*, а природныхъ Словенцевъ *Словенами*, какъ и Чешскихъ Лже-Словенцевъ; Менандръ же и Симокатта первыхъ называютъ *Славенами*, а природныхъ называютъ *природными* же: вѣдь же слова *туземцы* или *γηπαίδες* значатъ тоже, что *природный*?

Три дня сряду я съ ума сходилъ, когда прочелъ у Симокатты, что *Боянъ*, Царь Обровъ, съ 60,000 отличной кавалеріи вступилъ въ предѣлы *Славеновъ*, какъ непріятель. Да и какъ съ ума не сойти,

* См. томъ II, стр. 133 и слѣд. Изъисканій Венелина. *М.*

если прежде прочесть у Павла Діакона, что природная Словенская страна давно уже превращена въ Обрскую провинцію? Какъ согласить это? Но, слава Богу, на четвертый день, я попалъ на спасительную мысль, что Менандровы *Сплавены* значитъ имено то, что у Прокопія *Готы*, а въ самомъ дѣлѣ то, что, собствено, было *Кроато-Сербское племя*. Но послушаемъ дальше содержаніе событій.

Съ 578 — 583.

Обрскіе послы убиты Сербами.

1. Обрскій Царь отправилъ къ Лаврите и другимъ Засавскимъ старѣйшинамъ (*των Σκλαβηνων*) пословъ для истребованія *дани*. Но какъ тѣ отказалися, то дѣло дошло до ссоры, а послѣ и до драки, въ которой (эти Славонцы) убили пословъ Обрскихъ.

2. Обры, изъ дружбы къ Византійцамъ, объявили войну Славонцамъ.

> Такъ какъ въ 581 году (говоритъ Менандръ) Славонцы (т. е., Сербы - Кроаты - Далматинцы) опустошили Грецію въ такое время, когда Цареградцамъ предстояла война съ Персіею, то Императоръ, чрезъ посольство, упросилъ Обрскаго Царя, *Баяна*, пойти на нихъ войною. Такъ какъ *Баянъ* былъ въ дружбѣ съ Тиберіемъ, то охотно вступилъ въ походъ и изъ *Паннонiи переправился въ Иллирикъ съ 60,000 тяжелой конницы*, и опустошилъ страну Славуновъ вдоль и поперекъ. Походъ этотъ случился не только по просьбѣ Тиберія, но и по личному негодованію Баяна (за умерщвленіе пословъ). Menandr. l. c.

Изъ етого видно, что вся Сербія, Боснія съ Кроаціею и Герцеговиною, называемая у Менандра *Иллирикомъ*, ничутъ не зависѣла отъ Византійцевъ. Къ этой независимой странѣ принадлежалъ тогда и Истрійскій полуостровъ.

* * *

Съ 582 по 610 продолжалась жестокая война между Обрами и Византіицами по Сербіи и Болгаріи. Но послѣ смерти *Симокатты*, описывавшаго эти событія, никто больше изъ Греческихъ писателей не упоминаетъ объ *Обрахъ*.

Теперь обозримъ еще то, что о нихъ говорятъ Западные хронисты.

670 годъ. Павелъ Діак. V, 17. „Послѣ смерти *Агона*, сдѣланъ „Княземъ Фріульскимъ *Лупъ*.“ 18. „Но какъ Лупъ, въ отсутствіе Короля *Гримоальда* (Лонгобардскаго), совершалъ у Павіи многія жесто„ко, то, по возвращеніи его....*

Д. Ч. Юрій Венелинъ.

* Здѣсь статья эта прерывается. *Молнаръ.*

О

СПОРЪ

между

ЮЖАНАМИ И СѢВЕРЯНАМИ

НА СЧЕТЪ ИХЪ РОССИЗМА*.

Исполняя правила настоящей рецензіи, мы должны *вкратцѣ пересказать* (recenseo, вкратцѣ пересказываю) все содержаніе сего сочиненія; послѣ, прибавить нѣкоторыя объясненія, какъ понять автора; а тамъ, кое-какія замѣчанія на счетъ автора, и, наконецъ, сказать нѣчто о достоинствѣ перевода.

Сочинитель Guillaume le Vasseur, sieur de Beauplan, побывавши въ Америкѣ, вступилъ въ Польскую службу инженеромъ и артиллерійскимъ офицеромъ; онъ провелъ 17 лѣтъ въ Польшѣ; бывалъ почти во всѣхъ углахъ оной, но преимущественно на Украйнѣ. Судя по этому, всякій многое могъ бы ожидать отъ *Описанія Украйны*; но авторъ писалъ оное, по возвращеніи во Францію, единственно для своихъ друзей, постоянно ссылаясь на свою память, а не на дневныя записки. Конечно, нельзя написать многаго, подробнаго и опредѣленнаго, по одной памяти. Вотъ каково можетъ быть и Описаніе Украйны. Но приведемъ, по переводу, содержаніе:

1. *Описаніе Украйны.* Эта статья начинается краткимъ описаніемъ Кіева (стр. 1—3); нѣсколько словъ объ удальствѣ и числѣ Козаковъ (4); объ ихъ домашнихъ искусствахъ (5); о плодородіи земли (6); вѣра, невоздержность въ напиткахъ, любовь къ свободѣ, и другія качества (7—8); состояніе дворянства и земледѣльцевъ; (9), наконецъ, описаніе острововъ и береговъ Днѣпровскихъ, отъ Кіева до Чернаго моря (10—35). Вотъ и все *Описаніе Украйны*. Это лучше было назвать описаніе *Днѣпра*; въ под-

* По случаю рецензіи сочиненія *Боплана*: „Описаніе Украйны,“ перев. съ Франц. С. П. Б. 1832, въ 8-ю д., стр. 179.

линникѣ выставлено: *и рѣки Бористена, вообще называемаго Днѣпромъ, отъ Кіева до его втеченія въ море.*

Посему, сочинитель избѣжалъ отвѣтственности за несообразность заглавія съ содержаніемъ статьи.

Слѣдуетъ краткое *описаніе Крыма* (36—40): о *Крымскихъ* и *Буджакскихъ Татарахъ*, или, вкратцѣ, объ ихъ образѣ жизни и набѣговъ на Русскія и Польскія области (41—59).

Объ Украинскихъ Козакахъ: объ избраніи Гетмана, и объ ихъ нападеніяхъ морскихъ (60—68); о свадебныхъ обрядахъ (69—77); объ обрядахъ на Святой Недѣлѣ (78—81); о болѣзняхъ, образѣ лѣченія, о колтунѣ (82—83); о мошкахъ, саранчѣ, байбакѣ, сугакѣ, оленяхъ, сайгахъ, дикихъ лошадяхъ, буйволахъ, водѣ, соли и, наконецъ, чего Французы такъ боятся, о *стужѣ Украинской*, обо всемъ вкратцѣ, *сколько сохранила память* сочинителя (84—99).

Объ избраніи Королей Польскихъ (100—106).

О вольностяхъ Польскаго дворянства (107—113).

О правахъ Польскаго дворянства (114—127).

Примѣчанія и выноски переводчика, оглавленіе и указатель (131—179).

Вотъ все, заключаемое въ Описаніи Украйны, въ коемъ хорошая треть посвящена Татарамъ и Полякамъ.

Конечно, изъ подобнаго *описанія* нельзя имѣть яснаго понятія объ Украйнѣ; Боплану надлежало назвать свое сочиненіе: Нѣчто о правахъ и образѣ жизни Украинскихъ Козаковъ, Татаръ и Поляковъ.

Здѣсь должно упомянуть, что такое Украйна, что такое Козаки, что Малая Россія, что Мало-Россы? Эти вопросы всякому покажутся извѣстными; но дѣло въ томъ, что очень не всякій имѣетъ объ нихъ точное, опредѣленное понятіе. Въ этой мысли убѣждаютъ меня ежедневныя наслышки изъ общаго мнѣнія. По большой части, въ Москвѣ, Мало-Россъ слыветъ тотъ, кто изъ Черниговской или Полтавской губерніи; Козаками слывутъ люди военные, — конные; Украйною, хоть Харьковская или Полтавская губернія. Мы замѣтимъ слѣдующее:

Весь Русскій народъ, такъ какъ онъ есть нынѣ, по огромности своей (удивительная вещь!), раздѣлился только на двѣ

вѣтви (между тѣмъ какъ другіе народы распались на многія отрасли); этѣхъ вѣтвей иначе назвать нельзя, какъ только по мѣстоположенію, *Сѣверною* и *Южною*, или, иначе, *Сѣверянами* и *Южанами*. Главное условіе раздѣленія одного и того же огромнаго народа на двѣ вѣтви было въ взаимномъ, постепенномъ уклоненіи въ языкѣ. Это уклоненіе называется *нарѣчіемъ*; отсюда нарѣчіе *Сѣверное* и нарѣчіе *Южное*. Такъ только понять то и другое можно; такъ только то и другое называть должно.

Массивность сихъ двухъ вѣтвей почти равна: Сѣверная простирается за 21,000,000, Южная до 20,000,000, изъ коихъ въ Россійской Имперіи до 15.000,000: въ губерніяхъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской, Полтавской, Минской, Гродненской, Могилевской, Екатеринославской, Херсонской, Слободско-Украинской, Таврической, Витебской, Воронежской, Курской, Виленской, Бѣлостокской Области, въ землѣ Черноморскихъ Козаковъ, Бессарабской Области и Царствѣ Польскомъ въ Люблинскомъ воеводствѣ — въ большой части губерній на чисто, въ другихъ въ смѣси. Если же взять изъ Исторіи въ соображеніе всѣ потери, которыя понесли Южане, то можно за достовѣрное вывести, что Южное Русское племя было слишкомъ одною третью многочисленнѣе Сѣвернаго.

Было еще третье Русское племя, *Восточное* или *Волжское*: оно нынѣ, кромѣ Сербіи, Албаніи и Греціи, насквозь населяетъ, въ смѣси съ Турками, всю Европейскую Турцію по самый Царьградъ, и простирается до 4,000,000. Оно зашло туда, когда всею Россіею управлялъ *Аттила*, ненасытный въ завоеваніяхъ. Потери сей вѣтви, въ продолженіе 14 вѣковъ, неисчислимы. Нарѣчіе сей вѣтви есть то, на которомъ вся Россія и по нынѣ молится Богу. Это *Болгаре*.

Но обратимся на Сѣверъ. Общее, собственное названіе Сѣверянъ и Южанъ есть *Россъ*, а страны ихъ, общей по свойству Славянской Географической Этимологіи, *Русь*. Сѣверяне называютъ себя прилагательнымъ, производимымъ отъ *Русь* (точно такъ, какъ и Французы и Италіанцы прилагательными же, отъ Italia, France — Italiano, Français), *Русьскими*, но пишется Русскіе, ибо послѣднее *с* дѣлаетъ лишнимъ *ь*; Южане, напротивъ, еще ближе и естественнѣе, не прилагательнымъ, но *матерeимянымъ*

(matronymicum), отъ Русь (*Русинъ*), *Русинами*, т. е., сынами Руси. Однако же женскій полъ у Южанъ слыветъ: *Русска*, какъ и у Сѣверянъ. Но, впрочемъ, все равно: *Русинъ* ли, *Русакъ* ли, *Русскій* ли, *Россіянинъ*, или коренное *Россъ* ли.

Здѣсь нельзя не упомянуть о важномъ спорѣ между Южанами и Сѣверянами на счетъ ихъ Россизма (здѣсь подразумѣваю мнѣніе черни, *простолюдія*). По мнѣнію Москвитянъ, на примѣръ, тотъ только настоящій Русскій, кто умѣетъ *гаварить па настоящему*, т. е., *па-Русски*, а это значитъ: по-Сѣверному. Но горе Южанину; вы можете знать въ совершенствѣ Сѣверное Русское нарѣчіе или, такъ называемый, Русскій языкъ; можете даже почти совершенно поддѣлаться подъ Сѣверный выговоръ; но горе вамъ, если вы спотыкнулись въ малѣйшемъ оттѣненіи въ выговорѣ; вамъ скажутъ: „*Вы вѣрна изъ Нѣмцовъ?*" или „*Вы вѣрна не здѣшній?*" и тогда, любезный мой Южанинъ, называйся, какъ тебѣ заблагоразсудится, Испанцемъ, Прусакомъ, Халдейцемъ, или Тарапанцемъ, все равно, все тебѣ повѣрятъ, и, какъ ты ни вертись, ни божись, все ты не Русскій!! Но ты скажешь, что ты Мало-Россъ; все равно, все ты не Русскій, ибо Московскому простолюдину чуждо слово Россъ; и будетъ ли этотъ Россъ великъ или малъ, для него все равно, только онъ убѣжденъ, что онъ не Русскій, а Полякъ, или Хохолъ, или Литва, или Козакъ, или Украинецъ, или что-либо похожее; словомъ, что онъ не свой. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли человѣка почесть своимъ, которой не носитъ красной или цвѣтной рубашки, называетъ щи борщомъ, и *не гаваритъ харашо, а добрѣ!!*

Правда, это мнѣніе механическое и, по сему, происходящее отъ невѣдѣнія, — есть, конечно, à La borodatch, не болѣе; не смотря на это, оно вкрадывается очень, очень часто въ кругъ безбородый. Но этого мало; какъ часто и тѣ изъ числа безбородыхъ, которые даже имѣютъ претензію на ученость, на образованность, или, по крайней мѣрѣ, на основательность своего сужденія, увлекаются мнѣніемъ à la borodatch! Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ иному Украинскому Русаку прилагалось имя *Хохла*, въ противоположность *Русскому* слову; въ Украинцахъ иной, мудрено ученый Сѣверянинъ, по нелѣпому мнѣнію, видитъ какую-то смѣсь бѣглыхъ Малороссовъ, Татаръ, Поляковъ, Литвы. Такъ, по крайней мѣрѣ,

характеризировали происхожденіе Козаковъ иные, которые брались о нихъ писать. Очень естественно, что, иногда, учено историческое, нелѣпое мнѣніе можетъ дать непріятное направленіе народному ощущенію въ образованномъ сословіи. Другое дѣло съ Русаками Волынскими, Подольскими, Гродненскими, Бѣлостокскими и Люблинскими въ Царствѣ Польскомъ. Эти Южане въ глазахъ Москвитянина ни за какія деньги не омоются отъ Ляхизма. Правда, большая часть Южанъ, выходящая изъ линіи черни, чтобы сблизиться съ Поляками, образовала свою фамилію à la Polonaise, на пр., *Голембовскій*, *Спрацинській*, *Пржелазиньскій* и проч. (однако, простой народъ придерживается формъ *Илья Бабинъ*, *Грицъ Ивановъ*, *Гаврило Пушкарь*, *Игнатъ Савенковъ*). И такъ, не смотря на то, что Пржелазиньскій и по языку, и по происхожденію, и по вѣроисповѣданію чистый южный Русакъ, но мой *Пржелазинскій* въ Москвѣ будетъ ни болѣе, ни менѣе, Паномъ Ляхомъ, тѣмъ вѣрнѣе еще, если знаетъ *мувицъ по Польску*. Если же Пржелазиньскій изъ числа Русиновъ Люблинскаго Воеводства, то уже и говорить нечего.

Но за то и Южане, въ свою очередь, не допускаютъ Сѣверянъ участвовать въ Россизмѣ; какъ ни называй себя онъ Русскимъ, все таки онъ не *Русинъ*, а *Москаль*, *Липованъ*, и *Кацапъ*. По мнѣнію Южанъ, настоящая Русь простирается только до тѣхъ предѣловъ, до коихъ живутъ Южане, а все прочее *Московщина*. Въ томъ же самомъ мнѣніи и какой-либо Карпато-Россъ, живущій на берегахъ Тисы, его Часословъ, или Минея Кіевской печати, напоминаютъ ему Русь, но не Москва, хотя и Московская печать у него не рѣдкость. Онъ принялъ Русскаго гренадера, Сѣвернаго уроженца, за Чеха; но только Глуховскій, или Воронежскій, или Черниговскій гренадеръ покажется ему настоящимъ Русскимъ; равномѣрно Землянинъ Люблинскаго Воеводства, въ Царствѣ Польскомъ, готовъ биться объ закладъ, что онъ чище Русакъ, нежели Ярославскій и Володимерскій Москаль. Нечего дѣлать, вѣдь онъ справедливъ, потому только, что онъ въ этомъ убѣжденъ. Вотъ опять новое мнѣніе à la oussatch, à la britaya golova. Изъ этого слѣдуетъ, что и бородачь, и усачь стóятъ одинъ другаго.

Впрочемъ, этотъ споръ утѣшителенъ: обѣимъ сторонамъ приноситъ равную честь; однако, не смотря на это, обѣ стороны не равно пользуются этою честью; ибо одна другую оглушаетъ. Въ

этомъ спорѣ сихъ двухъ Русскихъ братьевъ о наслѣдствѣ участвовала судьей вся Европа и отчасти Азія; единодушно рѣшено всѣми народами въ пользу Южанъ. И дѣйствительно, по понятію всѣхъ народовъ, *Русь* отъ Карпатовъ простиралась только по Глуховъ и Витебскъ, а то все прочее было Московщина. Напрасно Грозный, и *Величавый* Алексѣй именовались Царями *всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи*; все еще, въ актахъ Европы, Русью именовалась только Галиція, Подолье и Волынь. Этого имени не осмѣлились отнимать у Южанъ и самые лютые враги ихъ. Исторія гоненій свидѣтельствуетъ, сколь дорого стоило имъ это имя.

Межъ тѣмъ, много, много пожертвованій дѣлали Сѣверяне, чтобы Европа и Азія возвратила имъ ихъ имя, и только 1812 годъ заставилъ Поляковъ, Мадяровъ и Французовъ распространить предѣлы Руси по всей Московіи *, но, не смотря на это, сосѣдніе народы надолго не забудутъ имя Москалей. И по дѣломъ! Если отецъ твой и твоего роднаго брата былъ Иванъ, то по какому праву можешь думать, что ты только Ивановичъ, и тебѣ только такъ называться?

Впрочемъ, сколь ни оригиналенъ этотъ споръ, и ни маловаженъ самъ по себѣ, однако, кто бы подумалъ, что ощущенія, невольно производимыя въ спорящихъ сторонахъ, имѣли порядочное, а иногда и сильное, вліяніе на судьбу Руси вообще? Я не могу всего этого пересказать теперь въ нѣсколькихъ словахъ;

* Правда, что Нѣмцы и Англичане, еще въ прошедшемъ столѣтіи, Россію именовали ея названіемъ; однако, Французы и Поляки охотно писали, еще въ исходѣ прошедшаго вѣка, les Moscovites, Panstvo Moskiewske; такъ писала еще и въ 1812 году *Gazeta Warszawska*, и въ послѣдствіи, редакторы думали, что пишутъ изъ приличія Cesarz Rossiyski. Мадяры, которые думали, что Червенская Русь есть Польша, прочее Москва, а одна Русь только въ ихъ Карпатскихъ графствахъ, недавно только, въ своихъ Географіяхъ, Imperium Moscoviticum или, по Мадярски, *Muszka* (Муска) *Birodalom*, замѣнили Мадярскимъ именемъ Карпатскихъ Русаковъ, *Оросѕ*, Orosz *Birodalom*. Молдаванъ и Волохъ только въ присутствіи Русскаго скажетъ *Рушь, Цара Русаска*, думая, что это дѣлается изъ приличія; впрочемъ, *Москалу* у нихъ, *Московецъ* у Болгаръ, *Московъ* у Турокъ всѣхъ трехъ частей міра топоромъ не вырубишь изъ головы.

замѣчу только, что умный Историкъ, одаренный проницательнымъ и сообразительнымъ умомъ, легко замѣтитъ и оттѣнитъ это, перебирая весь рядъ *сценической* жизни какъ Сѣверянъ, такъ и Южанъ. Поляки и Католицизмъ (Езуиты) очень искусно воспользовались этимъ внутреннимъ, такъ сказать, раздоромъ между Русаками; и за то, сколько надѣлали себѣ прозелитовъ между жанами! Но нечего было дѣлать, если, въ старину, всѣ сужденія и ощущенія были только à la borodatch, à la oussatch.

Въ старину? Нѣтъ; и нынѣ еще, въ полной силѣ, водятся въ поговоркахъ *старинныя* диковинки, и преимущественно между Сѣверянами; стоитъ только вслушаться въ ихъ образъ мыслей. Высшее общество (понимаю, образованное) несравненно малочисленнѣе у Южанъ, нежели у Сѣверянъ; ибо оно состоитъ, большею частію, изъ Поляковъ; посему Южане, если исключитъ Украйну и Ново-Россію, не имѣютъ собственнаго литературнаго голоса; по всей Южной и Западной Руси, вся Русь разжалована въ крестьянство; вдоль и поперегъ все нѣмо и тихо между жителями; развѣ только, на вопросъ Западнаго путника, скажетъ крестьянинъ окрестностей Гродна, Бреста, или Замостья, возвращающійся съ *паньщины*, что онъ *Русинъ*, и что языкъ и вѣра его *Руськая*, не говоря уже о Волыни, о Подольѣ. Чувствуя свое унпчиженіе, для Южанина-Русака нѣтъ силы, нѣтъ удовольствія въ его собственномъ имени, въ имени *Русь. Это слово въ тѣхъ странахъ вѣками унижено до земли*, и *Русинъ*, въ среднихъ и высшихъ тамошнихъ обществахъ, *значитъ* не иное что, какъ только *босый*, *бритоголовый рабъ*. Какая отрада для сего мирнаго земледѣльца, если прохожій солдатъ, или ямщикъ, или даже Русскій Баринъ, поиздѣвается надъ нимъ *хохломъ*, а собственный его Панъ *холопомъ*? Онъ не воззываетъ матери-родины своей по имени: онъ о ней знаетъ только по преданію; *онъ даже не имѣетъ права назвать Русь своею матерью*—одни только Поляки шумятъ о ней подъ именемъ *отчизны*: nasza oyczizna, nasza Polska. *Русь—отчизна Поляковъ*!!

И такъ, Южане, имѣя похвальное соревнованіе съ Сѣверными Русинами объ Россизмѣ, имѣютъ еще соперниковъ и въ Полякахъ, относительно къ ихъ колыбели. Въ семъ дѣлѣ, Поляки, составляющіе, на Южной Руси, одно только высшее или образованное сословіе, съ жаромъ и успѣхомъ оспаривали у без-

грамотныхъ Южанъ всѣ преимущества и ласки родины, хотя, впрочемъ, они также могутъ назвать Русь своею родиною, какъ и Туркестанцы Болгарію или Грецію. *Поляки или Ляхи*, *племя хотя Славянское*, такъ же какъ и Русь, *однако искони оно было чужое Руси*. *Русь къ Юго-Западу* простиралась, и нынѣ простирается, *сплошь до Вислы*; съ Западныхъ береговъ сей рѣки, простиралось къ Западу, въ глубь Германіи, племя *Ляшское*, которое, по своимъ мѣстностямъ, раздѣлялось на нѣсколько отраслей: на *Мазуровъ*, *Горалей* или *Кракусовъ*, и *Слезаковъ* (Silesii). Это племя имѣло естественные свои сильные и выпуклые предѣлы: отъ Россіи Висла, съ Юга и Юго-Запада цѣпь Карпатовъ и Судетовъ, съ Запада *Ниша* и *Одра* (*Neisse* и *Oder*) рѣки. Посему колыбель Ляховъ выходитъ внѣ предѣловъ такъ называемой Скиѳіи, такъ называемой Сармаціи, т. е., внѣ Россіи; она исключительно была въ Германіи, и Ляхи, по происхожденію, племя исключительно Германское *.

И такъ, образованіе владѣній по сю сторону Вислы, на великомъ пространствѣ владычества Польши, есть не что иное, какъ нашествіе Ляховъ на Русь: вотъ почему, выше, я сравниваю ихъ съ Туркестанцами и Болгаріею. И дѣйствительно, сынъ одного Ляха изъ окрестности Кистрина, дослужившись, или завлеченный фортуною, и сынъ одного Арзерумскаго цырюльника, бывшій у Визиря въ привратникахъ, раздѣлили между собою, въ XVII вѣкѣ, на Руси, на Подольи, земли, и дачи, и рощи, и долины, которыми владѣлъ, въ XV, богатый *Руській* Бояринъ, *Верховецъ-Щербатый*.

Не смотря на это нашествіе Ляховъ на Русь, значительная, если не большая, часть нынѣшнихъ Русскихъ Поляковъ, можетъ и должна назваться потомками, сынами Руси, сынами, говорю, по прямой линіи. Но: „*Вишь, какихъ Русаковъ открылъ намъ* !" скажутъ мнѣ: — Да, Русаковъ по ихъ родинѣ, по ихъ происхожденію, по ихъ крови, а не по нынѣшнему ихъ языку, Вѣрѣ и чувствованіямъ. Хотя ихъ и называю Русаками, но не причисляю къ Южанамъ: они сами себя причисляютъ къ Ляхамъ. Говоря о Южныхъ, надобно было сказать и объ этомъ, и это-то именно есть важнѣйшая глава въ Исторіи Южной Руси; это есть *нашествіе Ляховъ*.

И такъ, изъ сего видно, что нашествіе на Россію было троякое: Татаръ съ Востока, Турковъ съ Татарами же съ Юга, и Германцевъ съ Запада. Всѣ эти три нашествія были очень сильны, дѣятельны, угнѣтательны, но, вмѣстѣ, и разнохарактерны; посему и тѣмъ вреднѣе, чѣмъ разнообразнѣе были ихъ вліянія. Нашествіе Татаръ, вліяніе Турковъ, было механическое, матеріальное, кровное; нашествіе Германцевъ, т. е., Славянъ Завислянскихъ, было мирное, безкровное, политическое, нравственное нашествіе по заключенному условію; тому можно было представить матеріальную, физическую преграду, пріостановить мечемъ; но послѣднее требовало духовнаго противодѣйствія, ибо никакой мечъ не могъ пріостановить онаго. Владычество первыхъ нашествій давно кончилось, но послѣдняго еще продолжается, и продолжается нравственно.

Великъ и обширенъ Русскій народъ; велико было и *первостатейно* его назначеніе; велика была и необъятна его судьба, его участь: Египетъ, Югъ, Востокъ и Западъ утомились и немогли проглотить разбитаго и лежащаго. Всякій знаетъ, что сей великанъ раздесятерованъ между Владимировичами; его члены лежали разбросаны по всему Сѣверу и Югу; по этимъ полутрупамъ открытъ путь тремъ нашествіямъ, и три эти нашествія ратовали не съ силами сего великана, но съ судорожными движеніями его членовъ. Зачѣмъ же въ Исторіи Россіи или, лучше, въ общемъ разговорѣ фигурируетъ одно только нашествіе на Россію? (Странная безпечность Сѣверныхъ любителей Исторіи!).

О Южномъ, Египетскомъ, т. е., Сарацинскомъ и Италіанскомъ нашествіи, на сей разъ я умолчу; но намекну объ немъ тамъ, когда оно превратилось въ *Турецкое*, и во сколько оно относилось къ Германскому нашествію, которое имѣло непосредственное вліяніе на судьбу Южной Руси.

Пока Сѣверяне выносили одно нашествіе, Южане вытерпѣли два, и оба были убійственнѣе для человѣка какъ въ физическомъ, гражданскомъ, такъ и въ нравственномъ его отношеніи.

Провидѣніе снабдило и Сѣвернаго и Южнаго Россіянина хорошимъ и полнымъ тѣломъ, хорошимъ воздухомъ, хорошею землею, хорошею водою и, наконецъ, хорошимъ умомъ. Полны звѣрей лѣса Руси, полны стадъ поля, полны рыбъ рѣки; *не*

бывать нищетѣ на Руси, сказало Провидѣніе, даря Русскій народъ земными благами; *жить Руси долговѣчнымъ и здоровымъ*, сказало оно, подавая имъ здоровое тѣло и чистый воздухъ; *жить Руси счастливымъ*, сказало оно, даривъ ихъ смѣтливымъ глазомъ, свѣтлымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Оно ввело его во владѣніе обширной его усадьбы; богаты и изобильны были его угодья: то поле, то звѣринецъ, то прудъ и рѣка. Судьба дала Русину всѣ блага и, наконецъ, прибавила умъ-наставникъ, какъ пользоваться ими.

Долго, долго жилъ-былъ Русскій народъ въ своемъ богатомъ удѣлѣ, между Волги, Вислы, Карпатовъ и Дуная; мало извѣстна намъ древняя его жизнь; около 860 годовъ онъ былъ уже огроменъ; отъ Невы до Дуная простирался онъ. Съ 860 обратно въ древность по Аттилинъ вѣкъ, по пятый, включительно, видны изъ Исторіи его огромныя черты, сохраненныя въ памятникахъ чужой Словесности; этѣ-то черты, соображенныя критикою здравою и правилами естественности, составляютъ огромное цѣлое, огромный скелетъ бывшаго политическаго тѣла Русскаго; это развалины Исторіи. Нельзя не призадуматься, стоя надъ скелетомъ, надъ остовомъ человѣка, равно какъ и глядя на оставленный полуразваленный за́мокъ, на его разбитыя стекла, тускло и тоскливо освѣщаемыя заревомъ заходящаго солнца: по неволѣ спросишься: О обломки, о пустыня! Куда дѣвалась жизнь твоя, тебя одушевлявшая? О стѣны; гдѣ тѣ и трогательныя, и шумныя, и буйныя сцены, коихъ вы были всегда молчаливымъ свидѣтелемъ? Гдѣ ваша цѣлость, гдѣ ваша краса, обнаженныя руины? И гдѣ твой румянецъ, гдѣ живость глазъ твоихъ, костяной скелетъ? Гдѣ твои мышцы, гдѣ твоя полнота, гдѣ твоя минувшая краса, бренный остовъ? Гдѣ тѣ издѣлія, кои произвели, тѣ предметы, коихъ дотрогивались твои костяные пальцы, гдѣ тѣ дорожки, тѣ страны, по коимъ носили тебя твои бѣлыя голени? Не тѣ нынѣ дорожки, не та нынѣ трава, не тѣ деревья. Исторія не знаетъ о тебѣ; нѣтъ растенія, нѣтъ дуба, который бы помнилъ тебя; новая природа не помнитъ тебя, скелетъ! Только душа человѣческая помнитъ тебя; только умъ человѣческій поййметъ жизнь твою; онъ носится за всѣми твоими движеніями, дѣяніями, взглядами, мыслями, желаніями, радостями, страданіями; у тебя была другая, твоя природа, она не моя; разстояніе между

нами есть разстояніе двухъ міровъ; ты отдаленъ отъ меня чрезвычайно, но душа моя слѣдитъ тебя вблизи. О, прорцы, прорцы, скелетъ, и наши души будутъ современны! (Имъ принадлежитъ вѣчное время, ибо онѣ безсмертны; онѣ внѣ времени и долговѣчнѣе времени; источникъ ихъ безсмертіе, а конецъ жизнь вѣчная).

Такъ восклицать принужденъ и критикъ-историкъ, стоя надъ историческимъ скелетомъ.

Я не хотѣлъ пугать ни чьего воображенія сравненіемъ древняго періода Исторіи Руси со скелетомъ; не смотря на это, сравненіе сіе необходимо. Намъ вдругъ открывается Русскій народъ въ 860 году, въ протяженіи отъ Невскихъ окрестностей до Дуная, т. е., почти въ такомъ же, какъ и нынѣ; въ 970 лѣтъ Русь осталась въ тѣхъ же предѣлахъ; 970-тилѣтняя жизнь ея намъ, отчасти, извѣстна въ постоянной связи. Да, вся эта 10-ти вѣковая Русь живетъ, движется, дѣйствуетъ въ нашемъ воображеніи; но прочая, обратно въ древность, есть тотъ скелетъ, о которомъ я говорю; ея остатки ископать надобно, собрать этѣ кости, составить въ одно бывшее цѣлое, и дать имъ жизнь волшебною силою критическаго разсудка. Если натуралистъ открылъ ископанную изъ нѣдръ земли огромную челюсть, которую простолюдинъ принималъ за пустую каменину, какое счастье для моего ученаго! Но попадись ему еще кости двѣ, три, голень или позвонки, то поставитъ оныя возлѣ, сообразитъ, сличитъ, недостающія въ сей картинѣ остальныя части пополнитъ, по пропорціи, линейками, или точками, и.... сотворитъ животное! Такъ открытъ, на примѣръ, *мамонтъ*. Такъ, открытіе жившаго существа открываетъ и главнѣйшія черты исторіи климата и прозябаемости, исторіи первородной природы той страны, въ которой совершено открытіе. Однѣ слоновыя окаменѣлости въ Сибири открываютъ или новой періодъ въ климатистикѣ, или великія, по крайней мѣрѣ, физическія событія въ сей странѣ. Да, одна мертвая костина, открытая случайностью, заставляетъ, въ воображеніи нашемъ, въ обиліи процвѣтать и луга, и лѣса, и поля сей страны, въ когда-то бывшія времена; эта, говорю, согрѣваетъ весь небосклонъ безконечной Сибири, и всей ея природѣ придаетъ физическую дѣятельность.

Такъ это бываетъ и съ историкомъ-изыскателемъ, съ этимъ натуралистомъ человѣческаго рода, человѣческихъ обществъ. Двѣ

трети костинки, темныя намеки въ лѣтописяхъ чужихъ, словцо въ языкѣ, да обстоятельство изъ свойствъ почвы, суть тѣ обломки, которые, пополненные критикою, составятъ цѣлый тотъ періодъ народа, который исчезъ изъ нашего воображенія и въ которомъ народъ не живетъ для потомства.

Но, скажетъ кто, за чѣмъ пускаться въ періодъ до-Рюриковскій, какъ неизвѣстный, темный, непонятный? И что пользы изъ сего, и можно ли ручаться за успѣхи? — За тѣмъ, за чѣмъ и трудолюбивый натуралистъ за окаменѣлостями; польза же та, что, безъ объясненія временъ до-Рюриковскихъ, нельзя себѣ объяснить и причинъ, изъ коихъ произошелъ характеръ послѣ-Рюриковскихъ вѣковъ, и кои открыли путь нашествіямъ на Русь и съ Востока и съ Запада. Мы знаемъ, какія послѣдствія имѣли въ Руси раздробленія оной на удѣлы, которые было погубили Русь; но мы не знаемъ еще причинъ, повода и источника сей системы, и не сможемъ ихъ сыскать въ ряду послѣ-Рюриковскихъ временъ. Дѣло не въ томъ, что Святославъ, или Владиміръ раздѣляли Русь на удѣлы, но въ томъ, почему, по какой причинѣ, они ввели сію моду? откуда тотъ духъ вольности, духъ республиканизма Новагорода Великаго и Пскова? Вѣдь феодальность отличается отъ удѣльности? Естественное ихъ происхожденіе выходитъ изъ совершенно-противоположныхъ точекъ. Непосредственный источникъ феодализма есть неограниченная власть монархическая. Извѣстный способъ награждать вѣрныхъ слугъ пожизненными мѣстами, сдѣлавшійся въ послѣдствіи закономъ, есть то, что называемъ феодализмомъ. Но удѣлы одолжены своимъ происхожденіемъ республиканизму, въ которомъ, по свойству его устройства, открывается обширнѣйшій ходъ особеннаго и, такъ сказать, противоположнаго рода ощущеніямъ, которыя являются подъ особымъ названіемъ *племянничества* или *Nepotismus*, Этотъ-то самый Непотизмъ въ большомъ объемѣ, въ большомъ развитіи, есть то, что называемъ Удѣлами. Внутренняя связь удѣльной организаціи состоитъ въ ощущеніи родства, въ ощущеніи *свойчества*; связь же феодальной организаціи состояла въ ощущеніи *благодарности*, *покровительства* и, болѣе всего, *зависимости*; это есть *намѣстничество*.

Ни Feodalismus (служничество, намѣстничество), ни Nepotismus (племянничество, свойчество), не происходили и не могли происходить отъ малыхъ, незначительныхъ обстоятельствъ, проис-

ходитъ, такъ сказать, сами собою; ихъ породили однѣ только великія событія, великіе перевороты, т. е., первое произвело великое и сильное развитіе монархіи, а послѣднее обширное развитіе республики, т. е., и то и другое отъ великихъ точекъ въ Исторіи человѣчества, т. е., отъ великихъ людей.

Всѣ возможныя историческія соображенія о состояніи Руси до Рюрика указываютъ на феодализмъ. Да иначе и быть не могло; за-его родилъ на Руси и по всей Дунайской странѣ Аттила. Зачѣмъ же и историческая характеристика Франціи, Германіи, облечена въ феодальныя формы? Онѣ рождены Карломъ Великимъ. Мы знаемъ Турцію, до сихъ поръ, чисто феодальную; кто се образовалъ? Османъ Великій, а поддержали великіе его пріемники, Магометъ II и Сулейманъ Великій. Упоминать ли о Тамерланѣ, Чингисханѣ? Очень естественно: великія дѣла требуютъ великихъ услугъ, а великія услуги великихъ достоинствъ и великихъ наградъ. Наполеонъ въ своихъ *Дюкахъ*, или, какъ по Русски привыкли звать, Герцогахъ Рагузскомъ, Московскомъ, Далматскомъ, Истрійскомъ, Бассанскомъ, Невшательскомъ и проч., коими дарилъ своихъ вѣрныхъ, полководцевъ, возобновлялъ юслѣднюю тѣнь феодализма, во сколько можно было совмѣстить его съ понятіями и закономъ нашего вѣка.

Конечно, источникъ феодализма высокъ и важенъ; онъ выпалъ изъ широкихъ бородъ, изъ толстыхъ усовъ, т. е., онъ рожденъ заслугами и достоинствомъ, и какъ въ пожилыхъ лѣтахъ. Это почти въ противоположности съ племянничествомъ, непотизмомъ, въ коемъ вознаграждалось не достоинство, не лѣта, а младость, свойчество, хотя и неопытность, а иногда, можетъ быть, и недостатки. Замѣчательно, однако, что онъ же, Бонапартъ, облекая своихъ маршаловъ въ однѣ только формы феодальныя, на дѣлѣ исполнилъ законы племянничества во всей силѣ: правыя и кривыя пріобрѣтенія Франціи онъ сулилъ въ удѣлъ своимъ братьямъ, сестрамъ, подъ именами Королей и Корольковъ (но, male parta male dilabuntur).

Замѣчательно, однако, и то, что, по общему ходу дѣлъ человѣческихъ, дѣти и феодализма и племянничества превратились, въ существѣ, въ одно и тоже; и отдѣльный, полузависимый Герцогъ, Duca или Duc одно и тоже, что удѣльный Князь у Славянъ; только разница въ ихъ названіи указываетъ на разное

и противоположное ихъ происхожденіе. *Heerzog* или *Duc*, *Duca*, отъ *Dux*, есть имя вождя, военачальника, вѣрнаго слуги монархіи; межъ тѣмъ какъ *ь* въ Князь, какъ краткое прилагательное, означаетъ только высокое происхожденіе, или кровь, подъ коимъ подразумѣвается сынъ (Князь).

И такъ, находя Монархизмъ и, сопряженный съ нимъ, Феодализмъ, какъ отличительную черту Руси до временъ Рюриковыхъ, спрашивается: откуда же занесены въ Россію удѣлы, и между тѣмъ изъ точки республиканской? Гдѣ, именно, находишь эти корыстолюбивые *Nobili*, которые такъ сильно подѣйствовали на Русь? Гдѣ то Государство, тѣ учрежденія общественныя, тѣ событія и обстоятельства, которыя теченію въ потомственность подали подобное направленіе? Или, короче: откуда Новгородъ и Псковъ заняли свой духъ республиканскій? До сихъ поръ изыскатели отечественной исторіи одно твердятъ: *изъ Заморья*; но и это только: прибылъ такой-то (Рюрикъ) изъ Заморья. Знаю: но мало дѣла исторіи до Рюрика; но спрашиваю, откуда республика? Ибо вѣрно то, что сама собою въ Россіи не образовалась, при общемъ сей страны монархическомъ духѣ, оставленномъ ей Аттилою.

На это не было обращено вниманія. Либеральность Новгородцевъ и Псковитянъ ничего общаго не имѣетъ съ разбойническими (впрочемъ, мнимыми) нападеніями Норманновъ или Скандинавовъ; она происходитъ, и должна происходить, изъ особеннаго рода обстоятельствъ, особаго рода, особыхъ свойствъ сношеній, вліянія, и вліянія постояннаго, непосредственнаго. Эти-то свойства Новагорода и Пскова искать должно въ томъ до-Рюриковскомъ періодѣ, который, кажется, такъ темнымъ, такъ не проницательнымъ для исторіолюбовъ (*темна вода во облацѣхъ воздушныхъ*), и который такъ пугаетъ многихъ, и не думающихъ добресть въ немъ когда-либо до берегу.

Отсюда выходитъ, что въ до-Рюриковскомъ періодѣ Сѣверо-Западная Русь подвергалась непосредственному и долговременному вліянію изъ за границы. Поелику вліяніе сіе оставило въ народѣ глубокіе корни, то это указать можетъ только на соплеменность, на сходство въ языкѣ и, главное, въ правахъ; словомъ, республику Новогородскую образовала республика же, а именно республика Славянская. Это были Славянскія республики *Винетская*, *Волынская* и *Арконская*. Изъ сего видно, что нашествію Ляховъ на Русь предшествовало другое, Германское, т. е., Славянское. Историки помнятъ то время, въ которое командовалъ Русью Ерманарикъ. Это нашествіе было въ IV и V вѣкахъ; оно не истреблено совершенно Русскими патріотами *Даномъ*, *Руяномъ*, *Аттилою* и *Владомъ*, ибо они не могли воспрепятствовать морскимъ высадкамъ, выходившимъ изъ главной Арконской, Винетской и Волынской республикъ. Новгородъ, Псковъ и приморская Чудь долго остались еще за этими моряками, которые такъ гремятъ въ исторіи подъ именемъ Готовъ или Вандаловъ. Нѣкогда Волыни этой принадлежали не только Померанскія страны, но и Прусскіе, и Литовскіе, и Курляндскіе Летты, и Ляхи, и Русь по Люблинскому Воеводству, Залѣсью Гродненской губерніи, по Бугу, Горыни. И по нынѣшній день осталась память сего владѣнія Волынской республики на Руси подъ симъ же самымъ именемъ.

Если бы Несторъ совершенно умолчалъ о Варягахъ, о дани имъ съ Руси, о прибытіи Рюрика, то я бы объ этомъ сказалъ, сообразуя вышеупомянутыя обстоятельства, и самое даже имя Новаго-Города Великаго. Такъ часто одно обстоятельство важное служитъ намъ вмѣсто лѣтописи, или подтверждаетъ, пополняетъ, опровергаетъ оную. Такъ, на примѣръ, имя *Новъ-Городъ Великій* указываетъ на одинъ изъ огромнѣйшихъ городовъ могущественныхъ Померанцевъ, который Несторомъ Помераніи, современнымъ нашему, Адамомъ Бременскимъ, называется, въ буквальномъ Латинскомъ переводѣ, *Magnopolis*, Magolopelis, т. е., на языкѣ жителей именовался *Великій-Градъ* или *Градъ-Великій*, и который Нѣмцы взяли съ *Magolopolis* и стали называть, по своему, *Mekelenburg*. Если нашъ *Городъ Великій* названъ *Новымъ Городомъ Великимъ*, то кто станетъ ручаться, что онъ не былъ колоніею перваго, коего уже не могла пропитывать земля? Или, уже ли Новгородъ Великій не въ такомъ же отношеніи, какъ и *новый* Орлеанъ, *новая* Голландія, *новый* Архангельскъ?

Я это привелъ для того только, чтобы, разсуждая, вообще, о направленіи судебъ Русскаго народа, показать боязливымъ исторіолюбцамъ, или можетъ быть, и будущимъ исторіографамъ:

1) Утѣшительную мысль о возможности весьма удовлетворительнаго объясненія періода до-Рюриковскихъ временъ. Для се-

го есть весьма удовлетворительные отломки историческіе и обстоятельства. Въ этомъ отношеніи и изданъ мною I Томъ перваго опыта подъ заглавіемъ: *Древніе и нынѣшніе Болгари*, *въ народописномъ*, *историческомъ*, *политическомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ*. Это относительно къ Феодализму Руси.

2) *

Д. Ч. Юрій Венелинъ.

---

* Здѣсь текстъ прерывается.